

Над темой номера работала

Московская идентичность и "понаехавшие"

Ольга ВЕНДИНА¹

Москвичей испортил мигрантский вопрос

Мониторинг общественного мнения в Москве с завидной регулярностью показывает, что «наплыв мигрантов», особенно «кавказцев» и «выходцев из южных республик», занимает третье место в рейтинге основных беспокоящих москвичей проблем (табл. 1, рис. 1). При этом плохая экология, нехватка и низкое качество жилья, произвол милиции, неудовлетворительная работа коммунальных служб, снижение уровня школьного образования и медицинского обслуживания, преступность и бандитизм отодвигаются людьми в конец списка. Казалось бы, все должно быть наоборот, образование детей или перспективы получить качественную медицинскую помощь должны беспокоить москвичей больше, чем проживание в городе «кавказцев». Почему так опрокинула шкала городских проблем в сознании горожан?

Таблица 1. Первые 12 позиций в рейтинге проблем Москвы, которые более всего беспокоят москвичей*

Проблемы	июнь 1999	август 2007	март 2009	январь 2010
уличные «пробки»	-	-	-	41
рост коммунальных платежей / подорожание проезда в транспорте	19	46	55	33
высокие цены на товары первой необходимости / лекарства	51	44	50	31
много «кавказцев», выходцев из южных республик	27	37	41	31
рост безработицы / проблемы с трудоустройством	19	6	27	30
низкие зарплаты / маленькие пенсии	24	29	20	28
нехватка жилья	8	27	17	24
много бомжей, нищих	20	18	24	23
рост наркомании и алкоголизма	14	28	24	19
проблемы с работой общественного транспорта	9	19	13	15
резкое расслоение на богатых и бедных, несправедливое распределение доходов	13	26	19	15
плохие дорожные покрытия	8	14	16	15

* Источник: Пресс-выпуски мониторинга общественного мнения Левада-центра. 2008-2010.
[<http://www.levada.ru/press/2010021703.html>]

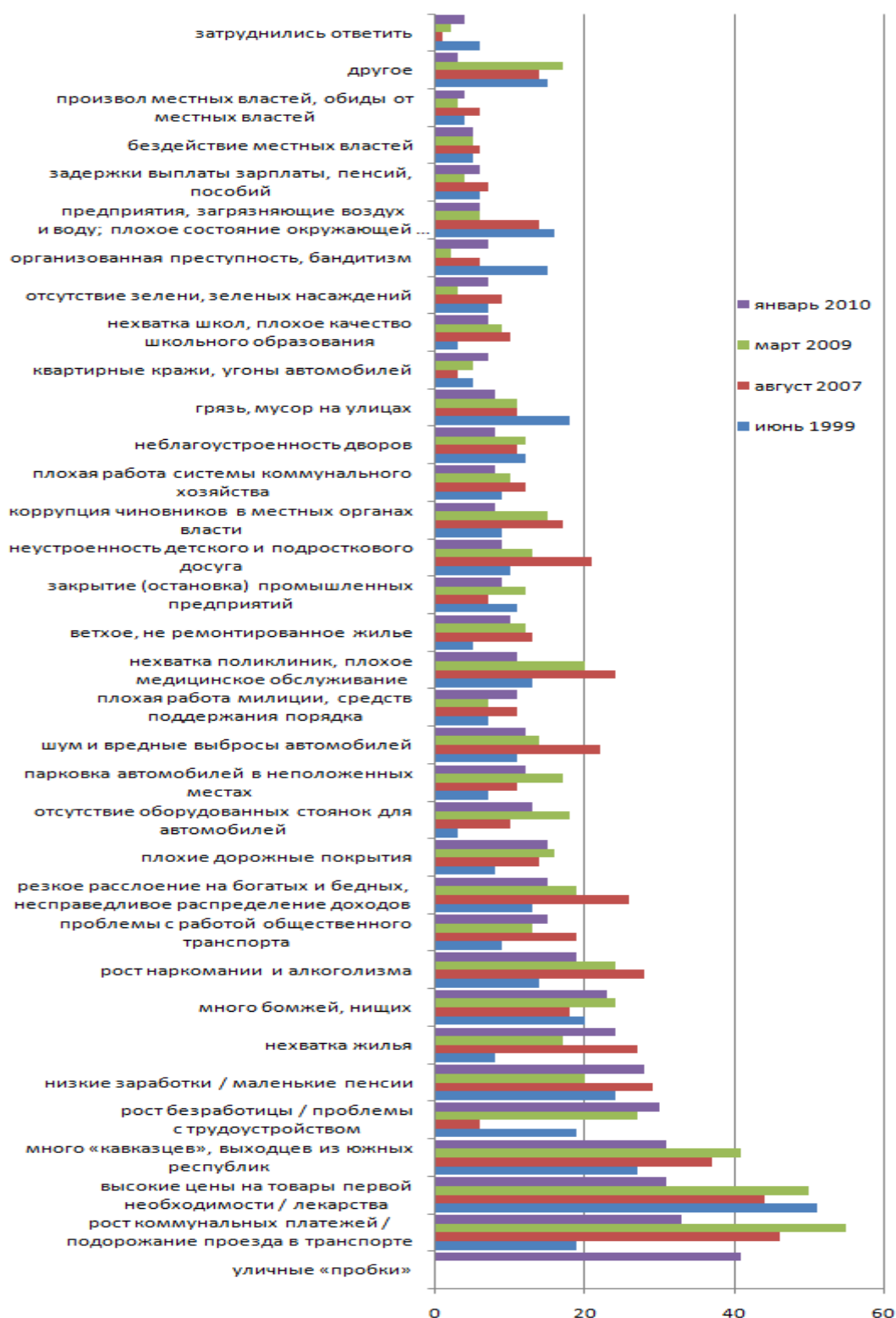

Рисунок 1. Рейтинг проблем Москвы, которые более всего беспокоят москвичей*

* Источник: Пресс-выпуски мониторинга общественного мнения Левада-центра. 2008-2010. [<http://www.levada.ru/press/2010021703.html>]

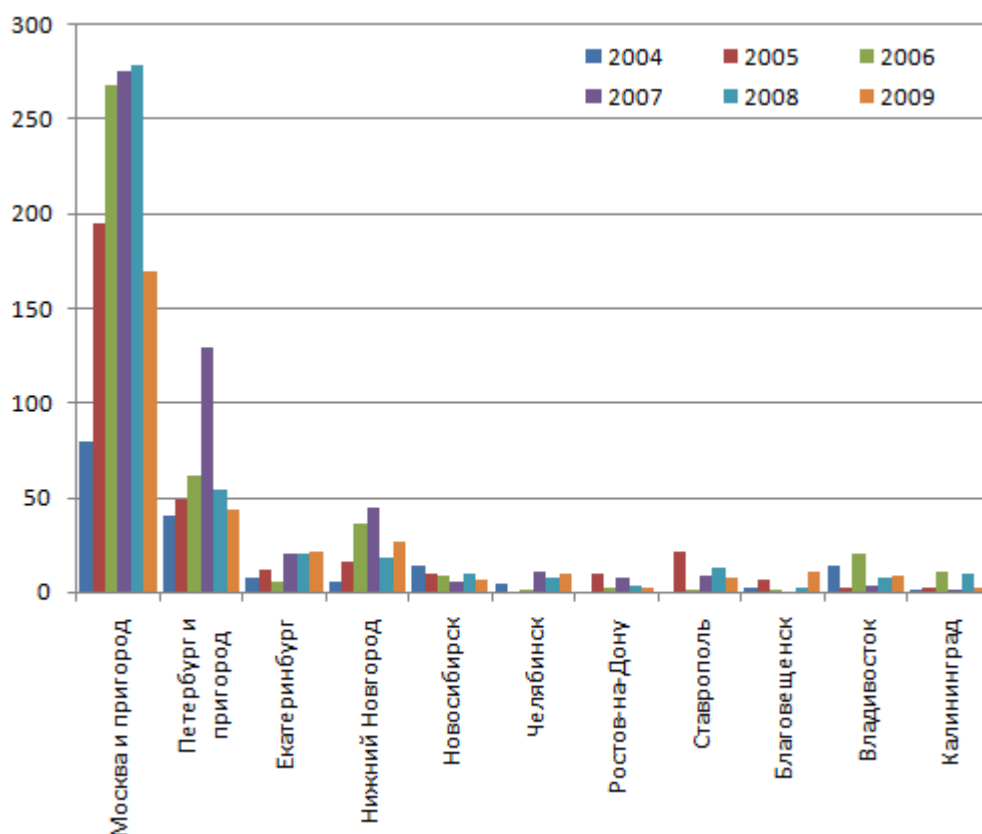
Я далека от мысли, что москвичи представляют собой закрытое сообщество, пораженное страхом, шовинизмом и ксенофобией, несмотря на то, что, согласно опросам всех ведущих социологических агентств, идеи «Россия для русских», «Москва – русский город», «Москва для москвичей» разделяет почти треть населения города, а запретительную политику и дискриминационные меры в отношении мигрантов стабильно поддерживает вдвое большее число людей. Думаю, что обостренная чувствительность к проблеме «приезжих» связана не с особым человеконенавистничеством москвичей, а с реакцией на разрушение привычной картины мира и системы устоявшихся социальных ориентиров. Стресс, вызванный неуверенностью москвичей в будущем, страхом потерять работу и надежные источники пополнения семейного бюджета, трансформируется в раздражение против наиболее видимых проявлений «новых времен», символом которых являются мигранты. На эти проблемы накладываются затруднения с личной идентификацией. Люди не только испытывают трудности в поиске социально и культурно близких сообществ, но и плохо представляют, какого именно уровня доходов и условий жизни они достойны, в чем состоят их права. Такая дезориентация ведет к упрощению критериев солидаризации, сводя их к наиболее очевидным этническим различиям. Данный вывод подтверждают и многочисленные исследования, проведенные в разных странах, которые показывают, что в основе ксенофобии лежит не столько реакция на поведение иноэтничных групп, сколько перенос на «чужих» комплекса собственных обид.

Из сказанного не следует, что ксенофобии в Москве нет. Как показывают многочисленные опросы и мониторинг проявлений национализма и экстремизма, проводимый информационно-аналитическим центром «Сова», нетерпимость, ксенофобия и откровенный расизм в Москве существуют. По числу открытых межэтнических столкновений Москва лидирует среди российских регионов (табл. 2, рис. 2). Согласно данным Московского бюро по правам человека, в 2009 году в столице и области от рук радикальных националистов погибло 33 человека и пострадало 131.

Таблица 2. Число расистских и неонацистских нападений в 2004-2009 годах по некоторым крупнейшим и приграничным городам России*

	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Москва и пригород	80	195	268	275	278	169
Петербург и пригород	41	49	62	129	54	44
Екатеринбург	8	12	6	20	20	22
Нижний Новгород	6	16	36	45	18	27
Новосибирск	14	10	9	6	10	7
Челябинск	5	0	1	11	8	10
Ростов-на-Дону	0	10	2	8	4	3
Ставрополь	0	21	1	9	13	8
Благовещенск	2	7	1	0	2	11
Владивосток	14	3	20	4	8	9
Калининград	1	2	11	1	10	3

* *Источник:* Кожевникова Г. Под знаком политического террора. Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2009 г. Информационно-аналитический центр «Сова». 02.02.2010. <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2010/02/d17889/#r4> .

Рисунок 2. Число расистских и неонацистских нападений в 2004-2009 годах по некоторым крупнейшим и приграничным городам России*

* *Источник:* Кожевникова Г. Под знаком политического террора. Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2009 г. Информационно-аналитический центр «Сова». 02.02.2010. <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2010/02/d17889/#r4> .

Если судить по абсолютным цифрам, то Москва предстает как город наиболее подверженный проявлениям расизма и, соответственно, наиболее страдающий от ксенофобии. Однако, если эти данные сопоставить с численностью населения, то московская ситуация выглядит менее тревожной, чем в городах меньшего размера, таких как промышленный Нижний Новгород, приграничный Благовещенск, или же расположенный в непосредственной близости от «горячих точек» Ставрополь. Несмотря на меньшее число зафиксированных там случаев проявления насилия, их влияние на жизнь местного социума значительно больше, чем в Москве, в силу тесноты социальных связей и меньшей анонимности местного сообщества. В этом смысле, чем меньше город, тем выше риск межэтнических столкновений даже в случае единичных проявлений расизма.

О наличии ксенофобии в Москве свидетельствует и общественная активность националистических организаций, их присутствие в информационном пространстве. Несмотря на формальный запрет, ксенофобская литература активно продается на книжных ярмарках, проходящих в Москве, через Интернет пропагандируются идеи расизма, организуется моральная и финансовая поддержка лиц, осужденных за преступления на почве этнической неприязни и ксенофобии, многие из них объявляются политзаключенными. День национального единства (4 ноября) – искусственный праздник, назначенный вместо 7 ноября – дня Октябрьской революции 1917 года, оказался фактически приватизирован националистами и является поводом для проведения «русского марша» в Москве.

Еще более радикально-националистический характер носили беспорядки 11 декабря 2010 года, стартовавшие в Москве и прокатившиеся по многим крупнейшим городам страны, поводом для которых послужило убийство футбольного болельщика (русского и москвича) в драке с выходцами из республик Северного Кавказа. Беспорядки, их откровенный экстремизм и массовое участие подростков в уличных столкновениях всколыхнули общество, оценки даваемые событиями варьировали в диапазоне от сочувствия и поддержки процессов «становления национального самосознания» до резкого осуждения произошедшего как фашистской акции. Тем не менее, большинство экспертов сходилось во мнении, что события на Манежной площади не похожи на стандартные этнические волнения, и что это, скорее, социально-политический протест в этнической форме².

И все же общую атмосферу в Москве характеризует не столько ксенофобия, сколько смесь социальной апатии и моральной паники, охватившей общество, не понимающее как реагировать на приток мигрантов и возрастающее этнокультурное многообразие жизни. Политики и эксперты представляют мигрантов как угрозу безопасности жизни в городе, заявляя о потере городскими властями контроля над ситуацией и обвиняя мигрантов в нежелании или неспособности интегрироваться. Особые опасения вызывает судьба русской культуры, а точнее ослабление ее доминирующей роли.

Например, Вячеслав Костиков – бывший пресс-секретарь президента Бориса Ельцина и затем представитель России в Ватикане, пишет: *«Неконтролируемый поток мигрантов накладывается на крайне неблагоприятную демографическую тенденцию. При низкой рождаемости у нас поистине африканская смертность. Воспроизводство русских трудовых ресурсов в ближайшей перспективе не просматривается. ... Не пришлось бы нам лет через 20-30 шить для наших рязанских и ивановских девчат хиджабы, а мужикам, чтобы казаться своими, прищуривать глаза»³.*

Или еще, уже другого автора: *«...встретить в Москве русского через полвека будет так же трудно, как сегодня якута в оленьей упряжке, несущейся по Тверской. Скажу больше: наши правнуки будут чтить Коран, рис есть палочками, пить кумыс, вытирать руки о халат, но сморкаться по-прежнему в рукав. Столицу, по прогнозам московских ученых, к 2050 году заселят чеченцы и ингуши. Их с учетом официальной статистики рождаемости и притока в столицу может стать не менее 44% от всех жителей города. Дагестанцы, азербайджанцы, таджики, казахи и грузины доведут численность мигрантов с Кавказа, Закавказья и из Азии до 60 - 80%»⁴.*

Невозможно удержаться от улыбки, но подобного рода высказывания столь многочисленны, что стали повседневным информационным шумом и послужили материалом для многих исследований и диссертаций.⁵ Осознание угрозы, нависающей над русской культурой и нацией, пронизывает и сознание ответственных лиц, отвечающих за миграционную политику в Москве и России. Вот и Константин Полторанин – бывший пресс-секретарь Федеральной миграционной службы, характеризуя ситуацию в мире, доверительно сообщил корреспонденту Би-би-си, что и в России стоит вопрос *«...выживания белой расы, ... так же как и в Западной Европе. Поэтому тут надо строить отношения таким образом, чтобы смешение кровей шло в правильном режиме»⁶.*

В отличие от угрожающего роста этнической миграции, СМИ и исследователи гораздо меньше внимания уделяют тому, что на рост тревожности общественного сознания оказывают влияние не только внешние причины, но и внутренние проблемы московского социума. Стоит напомнить, что моральная паника относительно «судеб русского народа» и «гибели русской культуры» берет свое начало еще в конце 1970-х годов, когда возникло общество «Память». В годы перестройки как бы невинное Общество книголюбов трансформировалось в «Национально-патриотический фронт», выступивший в роли главного идеолога русского националистического движения. В мае 1987 года «Память» провела в Москве один из первых неформальных митингов протеста против «угнетения русского народа». В 1990 году из рядов «Памяти» вышли такие радикально-националистические партии, как «Республиканская народная партия России», «Русское национальное единство» и «Национал-Социальный Союз». То, что истоки сегодняшних панических настроений кроются еще в советских временах, заставляет внимательнее отнестись к противоречиям, свойственным как политике московских властей в сфере межэтнических отношений, так и самоопределению москвичей.

Нужны ли Москве мигранты?

Хотя большинство москвичей имеет миграционный опыт и миграционное прошлое, Москва вела и продолжает вести постоянную борьбу с миграцией. На первый взгляд это выглядит как парадокс и ошибка управленцев, но при более внимательном анализе становится ясно, что данная ситуация во многом неизбежна и является следствием неоднозначности отношений между разными видами деятельности, завязанными на миграцию.

При выработке **общегосударственной миграционной политики** совершенно отчетливо доминируют интересы федерального уровня, определяющие основные цели и механизмы влияния на миграционные процессы. Этими интересами определяется политика поощрения или ограничения миграций, создания миграционных стимулов или административных запретов в зависимости от стоящих демографических и экономических задач, потребности в освоении новых территорий, «закреплении» или «переселении» людей. В этом же контексте определяется, кто и при каких условиях может пересечь границу страны, насколько строгими или либеральными должны быть визовый и пограничный режимы.

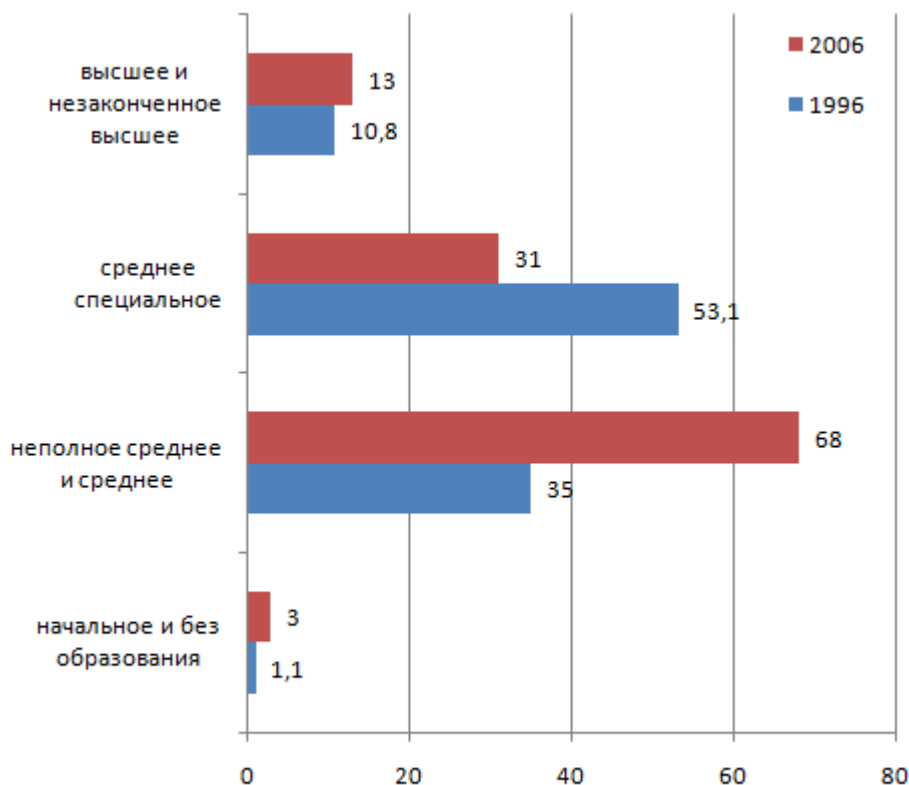
Иное дело **политика интеграции мигрантов**, где ведущая роль принадлежит городам, принимающим подавляющее большинство мигрантов. Отвечая на вызовы миграции, города вынуждены вырабатывать собственную политику, адекватную изменениям, происходящим на рынке труда, жилья, в системе функционирования городского транспорта и социального сервиса. Перед городскими администрациями в полный рост встает вопрос: «Как с ограниченными ресурсами и инфраструктурой «вчерашнего дня» вписаться в новые реалии?». Прямым ответом на вызовы миграции становится стремление снизить миграционное давление, чтобы расширить возможности постепенной адаптации всех функциональных систем города к растущей численности населения и меняющейся структуре его потребностей. Осложняют ситуацию и межкультурные противоречия, возникающие на почве нетерпимости и разного рода фобий.

Хотя миграционная политика и политика интеграции выглядят как две стороны одной медали – это не совсем так, на практике интересы города и федеральные интересы совпадают далеко не всегда. Например, с общегосударственной точки зрения Россия как страна, испытывающая серьезные демографические проблемы и стоящая на пороге резкого сокращения численности населения в трудоспособных возрастах, нуждается в притоке мигрантов, причем желательно квалифицированных, и должна проводить соответствующую политику. Однако у Москвы, которая и так является стихийным миграционным магнитом, необходимости в специальной политике привлечения мигрантов нет, зато проблемы, порождаемые пребыванием мигрантов в городе, включая сложные отношения между москвичами и приезжими, ощущаются в полную силу. Это приводит к тому, что, выдвигая на первый план свои проблемы и интересы, город начинает сопротивляться решениям, принимаемым на федеральном уровне, даже если это сопротивление носит спекулятивный, внеправовой и антигуманистический характер.

«Гастарбайтеров в Москве и в самом деле очень много – пишет председатель Комитета межрегиональных связей и национальной политики Московской городской думы Михаил Соломенцев, гораздо больше, чем нужно городу. ... Но это вина не столичных властей. Это в основном следствие неправильной государственной миграционной политики. Москва добилась, чтобы ей вдвое снизили квоты на привлечение гастарбайтеров – с полумиллиона до 250 тысяч. Дальше она предлагала возложить ответственность за них на работодателей и ряд других мер. Госдума же с 1 января 2011 года, напротив, вводит патенты на право заниматься трудовой деятельностью, хотя Мосгордума посылала на этот законопроект отрицательный отзыв. Купит теперь любой иностранец патент за тысячу рублей, и неважно – работает он или занимается грабежами, никто его не имеет права тронуть. У него «легальный» въездной билет в Россию. Минфин России, таким образом, конечно, получит дополнительный ручеек денег в бюджет. Но стабильности стране такой порядок не добавит. А уж в том, что Москву ждет еще больший наплыв приезжих, можно не сомневаться. И это при том, что уже сейчас до половины преступлений в городе совершается приезжими. Надо срочно корректировать федеральное миграционное законодательство»⁷.

Другим вопросом, по которому расходятся позиции РФ и Москвы, является отношение к привлечению квалифицированных кадров. Столице нужны не столько квалифицированные кадры

(город их производит и воспроизводит сам), сколько не слишком квалифицированная и относительно дешевая рабочая сила, занятая в коммунальном хозяйстве, строительстве, торговле, общественном транспорте, услугах населению. Как показывают многочисленные социологические опросы, в столицу вначале приезжала вполне квалифицированная рабочая сила, которая была занята, однако, не слишком квалифицированным трудом. У большинства мигрантов работа в Москве не соответствовала имеющемуся образованию, специальности и квалификации. Фактически город не использовал полученный им дополнительный ресурс квалифицированной рабочей силы, несмотря на то, что все время декларировалась необходимость «привлечения квалифицированных кадров», а имеющиеся мигранты рассматривались как «недостаточно качественный человеческий капитал». Сегодня ситуация существенно изменилась. Ресурс квалифицированных кадров из республик бывшего СССР, подготовленных еще в советское время и первые постсоветские годы, в значительной степени исчерпан, около 40% нынешних трудовых мигрантов в Москве не имеют профессионального образования, 20% из них знают русский язык «не очень хорошо», а 3% – «плохо». Хотя такое развитие событий вряд ли можно рассматривать как позитивный тренд в социальном смысле, экономика города не слишком ощущает снижение квалификации гастарбайтеров, поскольку и не предъявляет им высоких требований.

Рисунок 3. Уровень образования трудовых мигрантов в Москве в 1995* и 2006** годах

Источник: * Красинец Е. и Н. Баринава. Гастарбайтеры в России. Социс, №6, 1996. С.65-71

**Тюрюканова Е. О влиянии миграции на рынок труда. Отечественные записки, № 4(36), 2007. С. 56-70.

Практически на протяжении всей постсоветской истории миграционные послабления и либерализация миграционной политики РФ наталкивались на рестриктивные антилиберальные и антимиграционные меры правительства Москвы. Особенно отчетливо это проявилось в вопросе московской прописки.

В октябре 1990 года (еще в СССР) заключением Комитета Конституционного надзора было признано, что *«положения о прописке ограничивают право граждан на свободу передвижения и свободу выбора местожительства и должны быть устранены из законодательства путем его пересмотра с целью замены разрешительного порядка прописки регистрационным»*. В октябре 1991 года Комитет по собственной инициативе возобновил рассмотрение вопроса о прописке⁸. Новое постановление включало в себя длинный перечень нарушений прав человека, связанных с институтом прописки. Упреждающей реакцией Москвы на грядущую отмену прописки было принятие совместного Постановления Правительства Москвы и Администрации Московской области *«О едином порядке прописки и выписки населения»*, вступившее в силу в 1992 году, которое сохраняло прежний запретительно/разрешительный порядок.

В июне 1993 года был принят Закон РФ *«О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»*, в котором «прописка» была заменена на уведомительную «регистрацию по месту жительства». Одновременно было введено понятие «регистрация по месту пребывания». Законом также было установлено, что *регистрация или отсутствие таковой не могут служить основанием ограничения или условием реализации прав и свобод граждан, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, законами Российской Федерации, Конституциями и законами республик в составе Российской Федерации»*.

Мэр Москвы Юрий Лужков резко выступил против принятого закона, заявив, что неконтролируемая миграция в Москву приведет к беспрецедентному росту населения, коллапсу всех городских систем, массовым вспышкам насилия и преступности. Как город федерального значения, субъект Федерации и столица, Москва должна иметь выделенный статус и право на собственные правила регистрации. Фактически московские власти отказались исполнять принятый закон. Более того, было введено жесткое правило, требовавшее регистрации всех приезжих независимо от их гражданства в трехдневный срок, не имевшие регистрации приравнивались к «нелегалам». В эту категорию попадали и граждане России, жители других регионов страны. В декабре 1994 года, Лужков направил в Государственную Думу законопроект, предусматривающий в качестве наказания за проживание в Москве без регистрации лишение свободы сроком до двух лет. Примерно в то же время начались массовые проверки документов в метро и на улицах, возник эвфемизм «лицо кавказской национальности». В московской толпе милиция легко определяла приезжих, выделявшихся немосковским обликом, цветом кожи и волос. Появились и неформальные инструкции относительно стратегии поведения приезжих в Москве.

Постановление *«О едином порядке прописки и выписки населения в Москве и Московской области»* утратило силу только в 1996 году после решения Конституционного Суда РФ, признавшего, что положения данного нормативного акта не соответствуют Конституции РФ. Однако уличный *face control* сохранился и продолжает действовать до настоящего времени.

После терактов, произошедших в столице в 1999 году, вопрос об ужесточении правил прописки и регистрации в Москве был поднят вновь. Был введен особый режим, предписывающий сотрудникам милиции выявлять не прошедших регистрацию граждан России и СНГ, доставлять их в милицию, а затем выдворять к месту постоянного проживания. В 2000 году Московский городской суд, а затем и Верховный суд признали это решение московских властей незаконным, но правила оставались в силе. В сентябре 2004 года Лужков вновь заявил о необходимости введения обязательной регистрации для приезжих в Москве.

Помимо законодательных ограничений московские власти всегда использовали дополнительные экономические и социальные барьеры, сильно усложняющие жизнь новых москвичей. Так, были введены норматив жилой площади, необходимой для получения разрешения на регистрацию в московской квартире, дополнительные платежи за регистрацию помимо госпошлины для «компенсации затрат городского бюджета на развитие инфраструктуры города и обеспечение социально-бытовых условий», плата «за право работы на объектах сферы услуг Москвы» и в торговле. Одно время запрещалось принимать в школы детей незарегистрированных мигрантов.

Либерализация миграционной политики России в 2007 году, предложившей не запретительные, а разрешительные механизмы регулирования миграции, позволяющие благодаря простым процедурам регистрации и трудоустройства расширить легитимное пространство и вывести

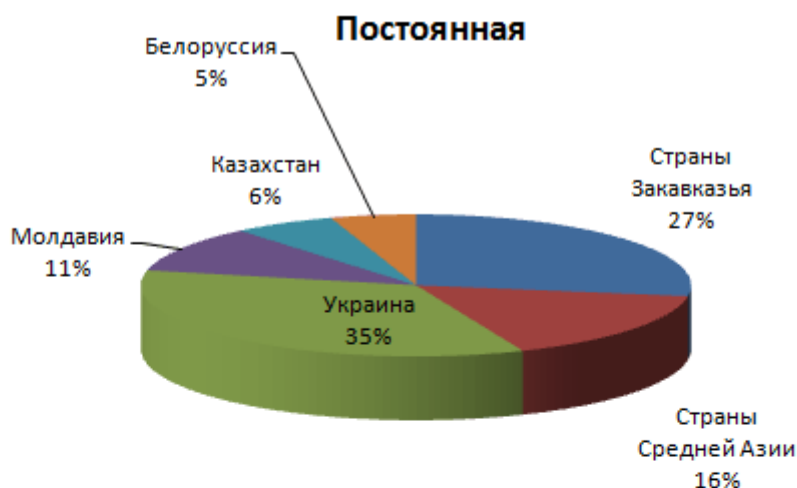

миграцию из тени, вызвала очередной виток анти-миграционных мер в Москве. Лужков вновь заявил о неприемлемости для Москвы уведомительного принципа регистрации мигрантов. Был введен запрет на работу лиц, не имеющих российского гражданства, на рынках и в сфере торговли, предложены дополнительные контрольные процедуры, такие как: предоставление регистрации лишь тем из мигрантов, кто уже заключил и представил договор найма жилого помещения, или выдача трудовой карты лишь тем, кто уже нашел работу.

Одновременно с этим в Москве делались определенные шаги, облегчающие интеграцию мигрантов. Была организована служба «одного окна», где мигрант мог оформить все необходимые документы, была введена пластиковая карта «иностранный гость», позволяющая использовать некоторые виды московского социального сервиса, с 2004 года дети мигрантов, независимо от регистрации родителей, принимались в школу.

В 2005 году московские власти разработали «Концепцию московской миграционной политики», которая должна была стать ответом на нараставшие антимиграционные настроения и все громче раздававшиеся голоса тех, кто считал, что *«присутствие международных мигрантов в Москве является существенным фактором, ущемляющим в ряде случаев права москвичей»*⁹.

В качестве приоритетной цели Концепции была заявлена *«...нейтрализация негативных прямых и косвенных следствий усиления трудовой миграции, коррекция ее структуры и борьбы с нелегальной формой осуществления, которая ... является преобладающей»*. Понятие «нелегальности» в применении к мигрантам в Москве выглядело крайне двусмысленно. В эту категорию попадали одновременно лица, нелегально въехавшие в страну, и лица, нарушившие правила московской регистрации, и, согласно московской логике, находящиеся в городе на «нелегальном» положении. Первых в Москве очень немного. Львиная доля в миграционном обмене столицы принадлежит российскому межрегиональному обмену населением. По состоянию на 2005 год на его долю приходилось более 70%. Основным поставщиком мигрантов являлась Центральная Россия, прежде всего, Московская область (45,2%). Вторым по значимости российским поставщиком приезжих был Северный Кавказ (15,1%). Мигранты из стран СНГ и Балтии составляли в конце 1990-х чуть более трети миграционного прироста населения Москвы, но к середине 2000-х этот поток сократился почти втрое! Основные пропорции между странами миграционного исхода стабильно сохраняются: в лидерах числятся государства, имеющие с Россией безвизовый режим пересечения границ: Украина, Казахстан, страны Закавказья¹⁰ и Средней Азии (рис. 4), следовательно, их граждане находятся на территории России легально. Их правовые нарушения связаны не с нелегальным пересечением границы, а с превышением установленных сроков пребывания в России, теневой занятостью без официального разрешения и необходимостью совершать периодические поездки на родину для очередного пересечения границы и формальной легализации своего положения. Когда московские власти заявляют о нелегальной миграции, то речь идет об отсутствии регистрации в Москве, теневом рынке рабочей силы и превышении сроков пребывания в стране. Проблема эта была в значительной степени решена в 2007 году, но не благодаря миграционной политике Правительства Москвы, а в результате либерализации миграционной политики РФ, упрощения правил регистрации и получения разрешений на работу.

Рисунок 4. Сравнительная структура постоянной и временной трудовой миграции в Москву из стран СНГ в 2007 году

Источник: Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В. Роль миграции в динамике численности и состава населения Москвы / Иммигранты в Москве / Институт Кеннана; под ред. Ж.А. Зайончковской. –М.: «Три квадрата», 2009. с. 39.

Московские власти и "гармонизация национальных отношений"

Другой центральный тезис «Концепции московской миграционной политики» состоял в том, что «*основным негативным последствием миграции относится рост этнической напряженности, необходимость проведения специальной политики профилактики межэтнических конфликтов*». Это очень распространенная точка зрения, более 70% москвичей полагают, что межэтнические отношения в городе ухудшаются и видят причину этого, прежде всего, в миграции. Кажется почти очевидным – не было бы мигрантов, не было бы и проблемы. Соответственно, средством против роста межэтнической напряженности является ужесточение иммиграционного контроля и использование механизмов селективной миграции по этническому признаку. При этом как-то забывается, что ксенофобия существовала и до активизации миграционных процессов и что корни ее кроются в состоянии принимающего сообщества, в глубоко укорененном шовинизме,

культурном высокомерии и привычке считать мигрантов людьми «второго сорта». К этому примешивается и низкий уровень гражданского самосознания.

Московские власти предпринимали усилия по выработке политики «гармонизации национальных отношений, которая учитывала бы этнокультурные различия и противоречия их проявлений» на протяжении всего постсоветского периода. К сожалению, едва ли не главной чертой этой политики стала ее непоследовательность, сочетание дискриминационных мер в отношении мигрантов, что придавало расовый оттенок социальным проблемам, с мерами, направленными на укрепление этнокультурных институтов, что поддерживало и закрепляло существующее разнообразие. Декларации о многонациональности как культурном богатстве мирно уживались с полицейскими мерами против мигрантов, в первую очередь выделяющихся по физиономическим признакам. Этническая культура (хорошая) отделялась от ее носителей (плохих). Первая поддерживалась, а вторые рассматривались как неизбежное зло, с которым приходится мириться, а то и бороться.

Первые попытка институционально оформить этнокультурную политику были связаны с экстраполяцией советского опыта поддержки народных культур и фольклорных традиций в новую реальность. После распада СССР эти «законсервированные» культуры, опирающиеся на представления, сложившиеся в традиционных обществах, стали основой мобилизации этнических групп. Уважение к традиционному мировоззрению стало одним из столпов понимания толерантности в обществе, и напротив, все, что не вписывалось в традиционную систему взглядов, оценивалось как отклонение от желаемой нормы и распад морали. В условиях десоветизации и обращения к «исконным» ценностям этнокультурная политика Москвы была ориентирована на удовлетворение культурных запросов этнических групп, строительство культурных сооружений, создание национально-культурных автономий и организацию этнических школ.

Этнические школы в Москве – явление не совсем новое. Перед войной в столице насчитывалось пять татарских средних школ и одна немецкая, среди неполных средних – еврейская, мордовская, латышская, английская и польская, из общего числа этнических школ восемь были самостоятельными, а три – отделениями при русских школах. Кроме того, имелось девять отдельных классов при русских школах: ассирийские, цыганские, татарские. Если вначале преподавание в этих школах велось на родных языках, то к концу 1930-х годов эти школы и классы были уже нацелены на обучение русскому языку. По данным переписи 1939 года, общее число русскоязычных в городах составляло 75,4%, а среди нерусского населения городов русским языком в полной мере владело только 25,4%¹¹. Во время войны этнические школы в Москве были закрыты и после уже не открывались, им на смену пришли школы с углубленным изучением иностранных языков. Наиболее востребованными оказались основные мировые, прежде всего, европейские языки.

Новая волна создания этнических школ начала подниматься в конце 1980-х годов. Первой ласточкой стала мини-школа для ста армянских детей, проходивших реабилитацию в Москве после Спитакского землетрясения в 1988-89 годах. Потом дети разъехались, а структура осталась. В 1989 году была открыта грузинская гимназия. После 1991 года началась цепная реакция создания этнических школ, этот процесс был поддержан ЮНЕСКО в рамках Программы «Развитие национальной школы», что резко повысило их статус. На сегодняшний день в Москве действует 46 школ и пять детских садов с этнокультурным компонентом (татарская, азербайджанская, грузинская, армянская, корейская, еврейская, таджикская, литовская, и др.), финансируемых из городского бюджета, еще в 84-х школах введены различные этнокультурные программы.

Все этнокультурные школы Москвы изначально позиционировались как русско-этнические и по идее теоретиков школьного образования должны были способствовать формированию «бикультурной личности»¹². Предполагалось, что учеба в таких школах позволяет лучше узнавать «другую» культуру, сравнивать и критически осмысливать ценности каждой из культур, и в итоге формировать свою собственную культурную идентичность. Однако уже в середине 2000-х годов выяснилось, что «межкультурный» подход «с использованием принципов диалога культур» не более чем красивая формула на бумаге, не имеющая действенного механизма претворения в жизнь. На практике московские этнокультурные школы предлагали подросткам раздвоенную модель мира, с одними правилами в московской русскоязычной среде и с другими – в семье и

своей этнической группе, закрепляя межэтническое размежевание на ранних стадиях социализации детей.

Другой важной инициативой Правительства Москвы стало создание в 1998 году Московского Дома национальностей, который, по сути, был аналогом и дублером советского Дома Дружбы народов. Изначально предполагалось, что Московский Дом национальностей (МДН) станет публичной площадкой для межэтнического и межкультурного диалога. Однако из института, поддерживающего деятельность гражданского общества, МДН быстро превратился в административную структуру, выполняющую имиджевые функции, и стал использоваться как место проведения официальных этнокультурных мероприятий, семинаров и брифингов. Несмотря на бюрократическую природу, МДН все-таки позволял проводить экспертные обсуждения вопросов, связанных с этнокультурной политикой и политикой в сфере межэтнических отношений, пропагандировать идеи толерантности и осуществлять взаимодействие между чиновниками Правительства Москвы, журналистами и некоторыми представителями этнических ассоциаций и общин.

Создание Московского Дома национальностей обозначило и переход от политики реагирования на запросы этнических объединений и ассоциаций, число которых постоянно увеличивалось, к попыткам программно-целевого управления ситуацией в сфере межэтнических отношений. В 2002 году Правительством Москвы была утверждена среднесрочная целевая программа «Москва на пути к культуре мира: формирование установок толерантного сознания, профилактика экстремизма, воспитание культуры мира (2002-2004 годы)». Основными заявленными задачами программы были противодействие экстремизму и снижение уровня межэтнической напряженности. Данная программа основывалась на представлении о городском сообществе как о совокупности людей, разделенных на «диаспоры и этнические общности». Абсолютизация значимости этнической дифференциации привела к тому, что вместо ожидаемой толерантности Москва приобрела еще большую разобщенность населения. Логика размежевания по этническому признаку способствовала конструированию «другого» даже там, где его не было или же отличия были незначительными как, например, между русскими и украинцами или русскими и белорусами. Ситуация осложнялась и видимыми изменениями этнических пропорций московского населения.

В целом середина 2000-х годов стала временем разочарования московских властей в советских подходах к решению проблем межэтнических отношений. Они осознали, что политика, направленная на удовлетворение запросов этнических элит, не позволяет решить задачу интеграции этнических мигрантов. Теневой рынок труда не был легализован, этнические школы скорее воспроизводили межэтническую сегрегацию, нежели работали на развитие толерантности. Успехи детей этнических мигрантов в обычных московских школах были весьма посредственными. Их низкий уровень школьной подготовки приводил к снижению общего уровня обучающихся, учителя жаловались, что уроки по любым предметам превращаются в уроки русского языка, возникло массовое недовольство родителей и конфликты в среде детей. Политика регулирования межэтнических отношений не смогла ничего противопоставить угрозе этнической сегрегации, в Москве отчетливо обозначились жилищные предпочтения мигрантов, все в большей мере приобретающие этническую окраску.

Следующая программа «Москва многонациональная: формирование гражданской солидарности, культуры мира и согласия» на 2005-2007 годы, заявляла о необходимости мировоззренческой корректировки предшествующей стратегии этнокультурной политики и переносе акцента с реализации коллективных прав этнических групп на их последовательную интеграцию. В качестве главного инструмента интеграции рассматривалось знание русского языка. В соответствии с этим в городе было организовано десять школ русского языка, где в дневное время могли обучаться дети, начиная с шести с половиной лет, а в вечернее – взрослые. В 2006/2007 учебном году половина учащихся в школах русского языка готовились к обучению в начальных классах, а вторая половина – в средней школе. По национальному составу больше всего учащихся было из Азербайджана, Таджикистана, Афганистана, Киргизии и Узбекистана¹³.

Хотя теоретически такие школы должны были быть востребованы, на практике они оказались незаполненными. Например, в 2005 году в Москве уже работали более 250 специализированных групп по изучению русского языка как иностранного, но каждая из них насчитывала всего по 9-13 учеников. Среди субъективных причин можно назвать непонимание родителями необходимости

специального обучения их ребенка в подобной школе или группе, ведь во многих семьях мигрантов дети говорят по-русски лучше родителей, или нежелание, чтобы ребенок терял время на обучение языку и затем шел в обычную школу с детьми младшего возраста. Среди объективных – изменение принципов финансирования средней школы, которые поставили школьный бюджет в зависимость от численности учащихся. Поэтому как бы плохо ребенок ни говорил по-русски, школа предпочитала оставить его в числе учеников, а не направлять в школу русского языка.

Другой конкретной мерой программы, направленной на уменьшение изоляции и дискриминации мигрантов, было требование к крупным работодателям обеспечивать своим работникам приемлемые условия жизни.

Однако в целом задача *формирования атмосферы уважения прав человека* решалась в программе с помощью многочисленных формальных мероприятий, как например, «проведение Дней межнациональной солидарности жителей административных округов Москвы», или «разработка новых туристических маршрутов *«Москва многоконфессиональная»* и *«Москва многонациональная»*, которые поглощали массу денег, но имели нулевой эффект с точки зрения интеграции мигрантов.

В 2008 году вступила в силу новая программа «Столица многонациональной России», рассчитанная до 2010 года. Она фактически закрепила поворот от политики в интересах этнических меньшинств к политике в интересах этнического большинства. Акцент в новой программе был сделан на создание условий для преодоления этноцентризма, на демонтаж институтов, обеспечивающих его воспроизводство, а также на снижение влияния идей агрессивного национализма в городском сообществе. Фактически речь шла о демонтаже того, что было создано в предшествующие годы.

В 2010 году на обсуждение общественности была вынесена и затем принята «Концепция реализации государственной политики в сфере межэтнических отношений в городе Москве», которая связывает решение межэтнических проблем с укреплением российского патриотизма и традиционных духовных и нравственных ценностей российского общества. Очевидно, что в данном контексте речь идет о традиции русского большинства. Разработчики концепции упирают на то, что *«Москва – это город, жизненный уклад которого базируется на русских культуре и традициях, сложившихся веками, и все, кто приезжает сюда жить, должны с этим считаться. Мы уверены, что это важное требование поможет всем жителям столицы без исключения стать москвичами»*¹⁴.

Такая позиция означает, что интеграция мигрантов понимается как односторонний процесс, предполагающий отказ человека от своей этнической самоидентификации для успешного вхождения в русскую культуру. Данный взгляд разделяется как горожанами, так и многими представителями экспертного сообщества¹⁵. Большое влияние на разработчиков «Концепции» оказала и моральная паника, распространившаяся в обществе, тревога за судьбу русской культуры в целом и московских традиций в частности. Приведу лишь несколько выдержек из этого документа, которые наглядно демонстрируют связь предлагаемой политики и опросов общественного мнения.

«... По состоянию на настоящий момент значительная часть жителей Москвы (62%) ощущает угрозу утраты ценностей московской социо-нормативной культуры. ...

*...Основу стихийного возникновения большинства бытовых конфликтов, оформленных в городской информационной среде и закреплённых в общественном сознании как межэтнические, составляет различие кодов поведения и норм обычного права разных культурных традиций, которые выражаются в разном истолковании допустимости тех или иных поведенческих стандартов в московской среде»*¹⁶.

То, что такое значение придается *московской социо-нормативной культуре и нравственным ценностям* заставляет задуматься, а какой смысл вкладывается в эти понятия? Насколько адекватно они отражают современные московские реалии? Почему московское сообщество

представляется как некое абстрактное гомогенное в культурном отношении образование? На кого собственно должны ориентироваться мигранты? Кто такие – «москвичи», и в чем состоит особенность московской культуры?

Мигранты и московская идентичность

Каждое общество и даже сообщество создает свои культурные образцы поведения, которые со временем становятся общепринятыми и указывают, что следует и чего не следует делать. Возникающие стандарты одобряемого/неодобряемого поведения частично закрепляются в узаконенных правилах (школа, транспорт, общественные места, нормы общежития, и прочее), частично остаются неформальными предписаниями. В любом случае их главной функцией является социальный контроль, определение пределов допустимого в обществе. Поведенческие маркеры затрагивают все стороны повседневной жизни и групповой практики людей – от ношения одежды, используемого слэнга, приверженности к определенному образу жизни, питания, проведения свободного времени до разделяемых нравственных норм, иногда обретающих сакральный смысл. Они позволяют отличать «своих» от «чужих», воспитанных от невоспитанных, городских от деревенских, москвичей от иногородних. Любые отклонения от нормативного поведения воспринимаются как ослабление социального контроля и угроза для личной безопасности, проецируемая на общество или культуру в целом. В число таких отклонений попадают не только действительно опасные социальные девиации, но и вполне безобидные поведенческие привычки. Так, родная матерная ругань на улицах Москвы или большое количество пьяных представляются вполне нормативным, хотя и общественно осуждаемым явлением, тогда как разговоры таджиков или азербайджанцев на родном языке или азиатская привычка сидеть на корточках воспринимаются как ненормативные и раздражающие.

Изменения, происходящие в обществе, преобразуют и соционормативную культуру, возникают новые нормы, а некоторые прежние, не соответствующие реальности, отмирают. Особенно отчетливо это проявляется при сменах исторических эпох, которые сопровождаются сменой культурных кодов. Москва дореволюционная резко отличалась от Москвы послереволюционной, довоенная от послевоенной, сталинская от хрущевской, и т.д. Будучи изменчивой, соционормативная культура одновременно служит основой баланса между прежними (сохраняющимися) и новыми образцами поведения. Это не значит, что устойчивые культурные нормы являются абсолютом, скорее затрагивающие их трансформационные процессы протекают медленнее. В качестве примера можно привести современное матримониальное поведение москвичей, широкое распространение сожительства и рождения детей без заключения брака, которое предшествующими поколениями воспринималось как распущенность и безответственность. Но москвичи как будто не замечают этих и других перемен своих собственных культурных практик, говорят о сформировавшихся в Москве ценностях и традициях как о чем-то застывшем и упрекают приезжих в нежелании им следовать. Точку зрения о *неуважительном и вызывающем по отношению к москвичам поведении мигрантов*¹⁷ разделяет подавляющее большинство москвичей: 40% сходится во мнении, что мигранты *не признают* и 45% – *лишь частично признают*¹⁸ их якобы неизменные ценности и традиции.

Справедливости ради стоит заметить, что данная точка зрения не лишена оснований. Жесткие представления о соционормативной культуре, бытующие в Москве, сталкиваются с еще менее гибкими традиционными представлениями некоторых мигрантов, прежде всего выходцев с Северного Кавказа, которые являются наиболее конфликтной частью приезжих, стремящихся демонстративно утвердить свое право на сохранение в новой среде своих специфических норм поведения.

Однако несовпадение норм поведения местного и пришлого населения и их параллельное существование на протяжении некоторого времени вовсе не обязательно имеют этническую природу. Об этом говорят, в частности, примеры из истории Москвы и Петербурга – главных центров отходничества в дореволюционное время. Тогда «гастарбайтерами» были русские крестьяне преимущественно из центральных и северо-западных областей России, страдавших от малоземелья и безработицы. Чужие, хотя и годами жившие в большом городе, они вели себя практически так же, как ведут себя сегодня многие этнические мигранты. В 1886 году В.О. Михневич писал: *«Быть может, наибольшая оригинальность Петербурга заключается в том, что огромное большинство его жителей... не ассимилируется и, живя иногда целый век здесь,*

чрезвычайно редко отрешается от родного пепелища, свято храня все его обычаи и весь житейский склад. Такая характерная черта может быть объяснена тем, что здесь каждый, в работе или торговле, в товарищах или помощниках, встречает одних только земляков, нередко родственников или односельчан...»¹⁹.

А это уже Москва: «Вино, карты, поездки друг к другу в гости, целые земляческие заседания в квартирах и ресторанах, фланирование по улицам и садам, ... Вот почти постоянное проведение свободного времени. ... Скупой, практичный и эгоист по отношению к другим – для земляка, если случится .... (он)... сделает все. С большим или меньшим кругом своего знакомства... (он)... не пропадет. Его, безработного, и кормить, и поить будут, и уложат на одной кровати, и в деревню отправят...»²⁰.

Сегодняшние москвичи – потомки тех «земляков» - забыли опыт своих дедов и свысока смотрят на вновь прибывающих, если они пытаются сохранять свои обычаи и свой житейский склад. При этом социальный эгоцентризм москвичей не допускает мысли, что с нами самими что-то не так, раз мы не можем понять других, это они не способны вести себя иначе, демонстрируя агрессивное поведение. Приведу достаточно популярную экспертную позицию: «Чем более «равным» с московским станет социальный статус приезжего, т.е. если он будет образован и культурен, с уважением относиться к культуре принимающей стороны, соблюдать нормы урбанистического образа жизни, тем более вероятными будут тенденции формирования дружественных установок в его адрес»²¹. Другими словами, если «приезжие» подтянутся до уровня москвичей, то ситуация нормализуется.

Парадоксальным образом в Москве требования де-традиционализации поведения мигрантов уживаются с требованием традиционализации поведения русских москвичей. Процесс размывания русских традиций, начавшийся в советские годы и продолжившийся в постсоветские вслед за стремительными экономическими, политическими и социальными трансформациями, в значительной мере определил переживаемый обществом кризис идентичности, заставляя людей искать опоры в «вечных ценностях», патриотизме и антизападничестве. Основными тезисами рассуждений о «русской культуре» стали противопоставление русской «духовности» и западного «меркантилизма», щедрости и скупости, восхваления православия как доминирующей религии и основы русской государственности, патриотизма в смысле защиты отечества и военно-воспитательной работы и укрепления духовного единства (соборности) как единомыслия²².

Если с этих позиций нарисовать портрет «нормативного москвича», то он будет выглядеть духовной личностью, готовой отказаться от материальных благ повседневной жизни ради высших устремлений. Он является носителем московской идентичности, основанной на «преданиях московской старины», образцом гражданского поведения, как россиянин и представитель столицы, испытывающий ответственность за судьбы народа, страны и города.

Социология дает несколько иную картину. Исследование, проведенное COMCON в 2005 году, выделяет три основных типа москвичей (табл. 3). Первый тип составляют жители столицы, рожденные в Москве и определяемые как «коренные», второй – переехавшие в Москву с родителями в детстве, и третий – самостоятельно сделавшие свой выбор в пользу Москвы в сознательном возрасте. Описание «коренных» москвичей включает такие характеристики как интеллигентность, образованность, неторопливость, приверженность собственному укладу жизни, традициям и обычаям, вкупе с ленью, высокомерием, снобизмом и закрытостью. «Не коренные», но выросшие в столице москвичи – это независимые, целеустремленные, самостоятельные, прагматичные, раскованные и самоуверенные люди с завышенной самооценкой. Третий тип – свежее испеченные москвичи, их характеризует индивидуализм, цепкость, готовность выполнять любую работу, меркантильность и беспринципность²³. Таким образом, именно характеристики «коренного москвича» при некоторой романтизации образа, могут рассматриваться как нормативные.

Таблица 3. Психологические портреты и характеристики стиля жизни москвичей

Позитивные характеристики	Негативные характеристики
Коренные москвичи	
Интеллигентность	Снобизм
Аристократичность	Высокомерие
Спокойствие	Леность
Неторопливость	Закрытость
Приверженность собственному укладу, традициям, обычаям	Надменность
Образованность	Беспечность
Гостеприимность	
Москвичи, приехавшие в Москву в детстве	
Целеустремленность	Прагматизм
Самостоятельность	Самоуверенность
Взаимовыручка	Агрессивность в достижении своих целей
Динамизм	Завышенная самооценка
Энергичность	
Активность	
Раскованность, отсутствие комплексов	
Приехавшие в сознательном возрасте	
Индивидуализм	Наглость
Целкость	Нахрапистость
Хваткость	Беспринципность
Воля к победе, непоколебимость	Бескультурье
Готовность выполнять любую работу	Отсутствие моральных принципов
	Меркантильность (ценят только деньги)
	Негостеприимность

Источник: Москвичи и петербуржцы: различия в стилях жизни и потребления. COMCON. Персонал МИКС № 4-5, 2005

Хотелось бы обратить внимание, что данная референтная группа, по образному выражению Любви Борусяк, представляет Москву «обломовскую», неспешную, самоуглубленную, с долгими чаепитиями, интеллигентскими беседами и посиделками. Это другая Москва, непривычная нынешнему москвичу, лишенная своего ритма жизни (*москвичи всегда куда-то спешат...*), стремления к заработкам и развлечениям, достижениям и модернизации. Поразительное расхождение образа нормативного москвича с реалиями повседневной жизни заставляет задуматься, а в какой степени «коренные москвичи» определяют лицо города? Образуют ли они социальную группу, способную стать поведенческим образцом?

На этот вопрос небезынтересно ответить, учитывая бурную историю XX века. До революции, по данным учета московского населения, доля уроженцев Москвы в населении города составляла всего 25,2%. В 1926 году она поднялась до 36,9%, при примерно равной численности населения немногим более 2 млн. человек. В 1930-е годы эта доля опять снизилась до 15-20%. Если предположить, что «дореволюционным» и «послереволюционным» уроженцам Москвы, которые могли бы составить корпус потомственных москвичей – носителей московской традиции и идентичности, удалось воспроизвести свою численность в полном объеме, то тогда их доля в современном населении Москвы составляла бы 5-8%. Однако, такой сценарий маловероятен из-за войны, репрессий, массовых миграций и суженного воспроизводства, типичного для горожан. Уже в 1926 году показатели рождаемости в столице были почти в 2,5 раза ниже среднероссийских, в 1930–1940-е годы типичная московская семья перестала быть многодетной, а одно-двудетная семья получила массовое распространение. Поэтому реальный удельный вес потомственных москвичей в составе населения города еще меньше. Это означает, что московская нормативная культура была подвержена множественным внешним влияниям и (страшно сказать) практически лишена традиций. Память о прошлом сохранялась краеведами, а не собственно населением. О московских обычаях узнавали из книг, если этим интересовались, а не из рассказов родителей, бабушек или дедушек.

Если не быть пуристами и считать «коренными москвичами» всех уроженцев Москвы, то и тогда картина не выглядит оптимистично. Согласно переписи населения 2002 года, на долю уроженцев Москвы, приходится чуть более половины населения столицы (53,4%). Если из их числа исключить детей и подростков в возрасте до 14 лет (допустим, что более взрослые школьники уже являются вполне духовно сформировавшимися личностями, наделенными не только паспортами, но и ответственностью), то число «коренных» москвичей сократится примерно на четверть, а сами они резко постареют. Доля лиц в возрасте 50 лет и старше в этой группе подбирается к 60%. Поэтому, как бы ни был дорог нашему сердцу мифологизированный «коренной москвич» – это фигура, уходящая со сцены. И этот уход обставлен вполне трагическими декорациями в духе «конца века» и утраты городом своей «нормативной культуры» в результате наплыва немосквичей.

Современное лицо Москвы определяют совсем другие люди, молодые и динамичные москвичи в первом поколении, мигранты и дети мигрантов, именно их культура становится нормативной. Возможно, в этом кроется одна из причин разобщенности московского сообщества, его конформизма, жесткости и прагматизма. Меркантильность как черта свойственная москвичам, также возможно является следствием доминирования культуры вчерашних мигрантов, для которых в значительной степени характерна ориентация на материальное благосостояние как важнейшее доказательство правильности жизненного выбора.

Для определения московского социума все более значимыми становятся такие характеристики, как успешность, деловитость и образованность. Социологические замеры показывают, что москвичи в большей степени, чем остальное население страны, довольны своей работой и жизнью. Причинами этого являются, с одной стороны, наличие возможностей и ресурсов для личной и профессиональной самореализации, а с другой, достижительная мотивация, стремление получить хорошую работу, позволяющую удовлетворять более высокий уровень потребностей и притязаний. И именно эти характеристики привлекают в Москву тысячи новых мигрантов, рассчитывающих изменить свою жизнь и будущее своих детей.

Но, если соционормативная культура Москвы определяется не коренными москвичами, то, что можно сказать о московской идентичности и идентичности разных групп москвичей? Вопрос этот – далеко не праздный, поскольку именно территориальная идентичность, отражающая эмоциональную привязанность людей к месту собственной жизни, их готовность разделить ответственность за его судьбы, работает на интеграцию локального сообщества и противостоит его чрезмерному дроблению по профессиональным, этнокультурным, религиозным, статусным и иным основаниям самоидентификации. Другими словами, мы все разные, но нас объединяет то, что мы живем в данном месте, с которым связываем свое будущее и будущее своих детей, в наших общих интересах работать на его устойчивое развитие. Поэтому, как пишет Светлана Рыжова, если *«самоидентификация “я - москвич” станет для мигранта более значимой и престижной, чем его этнокультурная или ... земляческая идентичность, то можно с уверенностью предполагать, что процессы взаимной адаптации станут успешнее, и установки принимающей стороны будут изменяться в сторону толерантности. Идентичность “мы-москвичи” станет не столько ареной социальных и межэтнических противоречий, сколько полем социальной солидарности и сотрудничества»*²⁴. Попробуем протестировать эту гипотезу.

Жители Москвы как "россияне"

Любая идентичность отстраивает картину мира в рамках категорий «свой/чужой», одновременно являясь средством обозначить сходство с одними общностями и отличие от других. Насколько сформирована и насколько значима московская идентичность? Как соотносится с другими идентичностями москвичей?

В какой-то мере ответить на эти вопросы позволяет проводившееся в 2001 году исследование «Гражданская активность, социальный капитал и будущее демократизации управления в Москве»²⁵ (табл. 4, рис. 5).

Таблица 4. Особенности самоидентификации жителей Москвы*

Распределение ответов на вопрос: «Кем Вы себя считаете?»	Иерархия идентичностей первого, второго и третьего уровней (%)		
	В первую очередь	Во вторую очередь	В третью очередь
Россиянином, гражданином России	51,4	14,4	7,0
Россиянином и москвичом	8,8	15,8	8,7
Москвичом	16,9	28,8	21,8
Жителем своего района	2,5	2,5	26,3
Советским человеком	5,9	6,6	6,0
Европейцем	1,4	1,4	7,3
Членом своей этнической группы	4,0	7,5	3,9

* В таблицу не включены варианты ответов «другое» и «затрудняюсь ответить», а также пропущенные ответы. Проект: «Гражданская активность, социальный капитал и будущее демократизации управления в Москве», 2001.

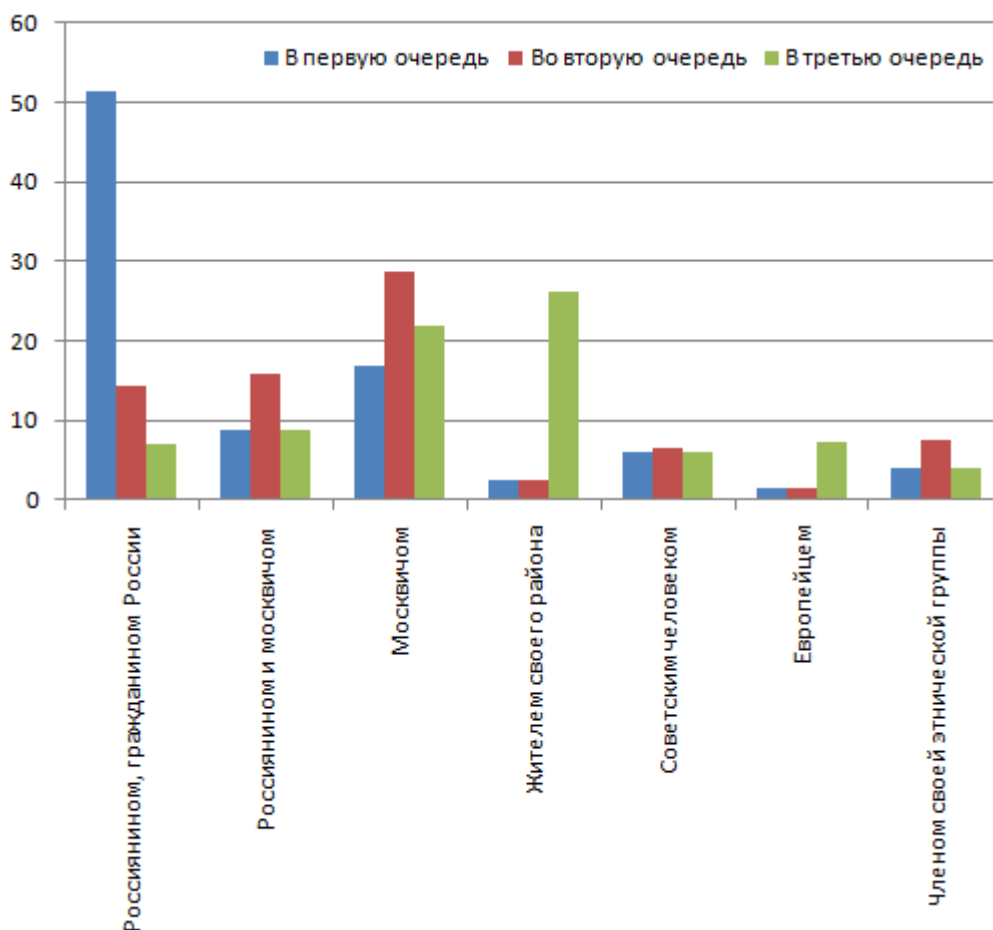

Рисунок 5. Распределение ответов на вопрос: «Кем Вы себя считаете?» (Иерархия идентичностей первого, второго и третьего уровней, %)*

* Проект: «Гражданская активность, социальный капитал и будущее демократизации управления в Москве», 2001.

Первое, что обращает на себя внимание при анализе результатов разных опросов, это непропорционально высокая значимость российской национально-государственной идентичности для самоопределения жителей Москвы. «Естественная» иерархия самоидентификации людей, отражающая их лояльность к различным территориальным сообществам и тесноту связи с ними, выстраивается в соответствии с приоритетностью локальной, региональной и лишь затем национальной идентичности. Локальная солидарность всегда значимей общегосударственной, за исключением случаев мобилизации населения против общего врага.

Самюэль Хантингтон пишет: «Эпоха доминирования национальной идентичности над всеми прочими, эпоха, на протяжении которой американцы с энтузиазмом предавались патриотизму и национализму, начала клониться к закату в 1960-е годы. ... Трагические обстоятельства 11 сентября 2001 года вернули Америке ее идентичность. До тех пор пока американцы считают, что их стране угрожает опасность, национальная идентичность остается весьма значимой. Если же чувство опасности притупляется, прочие идентичности вновь берут верх над идентичностью национальной»²⁶.

Если судить по данным International Social Survey Program (в России в рамках ISSR опросы проводились в 1996 и 2004-2005 годах), то логика иерархии социально-территориальных идентичностей в России явно нарушена. Локальная и национальная идентичности являются практически равноценными, при этом локальная идентичность в России выражена гораздо слабее, чем практически во всех странах проведения опроса (табл. 5). А региональная идентичность является второстепенной как по отношению к локальной, так и национальной²⁷.

Таблица 5. Ощущение связанности со страной и другими социотерриториальными общностями у населения России (2003 год, № = 2383, % опрошенных)

Страна	Очень сильно <i>балл 4</i>	Довольно сильно <i>балл 3</i>	Не очень сильно <i>балл 2</i>	Совершенно не чувствую связь <i>балл 1</i>	Средний балл	Ошибка средней
Израиль (евреи)	80	14	4	2	3,7	0,02
Болгария	66	28	5	1	3,7	0,02
Австрия	63	31	6	0,5	3,6	0,02
Чили	58	34	7	2	3,5	0,02
Венесуэла	59	28	10	3	3,4	0,02
Франция	55	34	8	2	3,4	0,02
Япония	49	43	7	1	3,4	0,02
США	52	38	9	2	3,4	0,02
Финляндия	48	44	7	1	3,4	0,02
Польша	44	48	7	1	3,4	0,02
Испания	44	47	7	2	3,3	0,02
Швейцария	39	52	7	1	3,3	0,02
Канада	42	43	10	4	3,2	0,02
Великобритания	33	47	16	4	3,1	0,02
Западная Германия	26	58	14	2	3,1	0,02
Латвия	28	52	17	3	3,0	0,02
Восточная Германия	24	56	18	2	3,0	0,03
<i>Израиль (арабы)</i>	<i>26</i>	<i>43</i>	<i>20</i>	<i>10</i>	<i>2,8</i>	<i>0,08</i>
<i>Россия*</i>	<i>26</i>	<i>38</i>	<i>24</i>	<i>11</i>	<i>2,8</i>	<i>0,02</i>

* Вопрос звучал так: «Насколько сильно Вы чувствуете свою связь с [название страны респондента]?». За 100% приняты респонденты, ответившие на вопрос, поскольку только на основе их ответов вычислялись средние значения по каждой стране.

Источник: Магун В.С. и Магун А.С. Идентификация граждан со своей страной. Российские данные в контексте международных сравнений. с.223

Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), включавший в 2006 году и вопросы относительно самоидентификации россиян, дал обычное распределение

идентичностей по значимости: локальная – 38,9%, региональная – 25,3% и национальная – 19,7%²⁸.

Наш московский опрос показал, что столичная шкала социально-территориальных идентичностей (табл. 4) сдвинута в пользу общегражданской национальной идентичности (51,4%). Близкий показатель для Москвы дает и опрос РМЭЗ – 52,9%, а также опрос московских студентов, проводившийся весной 2010 года в рамках общеевропейского проекта Eurobroadmap – 55,3%.

Если прибегнуть к сравнительным данным ISSP, то окажется, что уровень национального самосознания в Москве разогрет до градуса США (52%) после событий 11 сентября, хотя еще не достигает уровня Израиля (80%). Характерно, что во втором по значимости городе России – Петербурге, такого всплеска государственничества и патриотизма не наблюдается (21,0%), не говоря уже о провинции. Нет его и в Московской области (27,8%).

Объяснение такой ситуации, конечно, требует дополнительных исследований. Я могу высказать лишь предположения.

Первое – это влияние столичного статуса и политизированности московского социума. Все патриотические начинания стартуют в Москве, и именно москвичи выполняют функции «мозгового центра», обеспечивающего их обоснование и продвижение далее по стране.

Второе – озабоченность «национальными идеями» характерна в первую очередь для политиков консервативного толка и их сторонников, а московская региональная политическая культура характеризуется значительной дозой консерватизма и авторитарности²⁹.

Третье – доминирование субкультуры москвичей в первом поколении и мигрантов, подсознательно легитимирующих свое право на жизнь в Москве как российской столице.

Пояснить последнюю мысль помогает сравнение «русской» и «советской» идентичностей. Исследования проблем идентичности в постсоветском обществе обычно фиксируют сохранение «советской» самоидентификации у пожилых людей, с трудом меняющих привычную систему координат. В случае же Москвы ситуация выглядит не совсем так: советская идентичность характерна не только для лиц старше 55 лет (60,2%), но и для средних возрастных групп (31,1%) и даже для совсем молодых людей. Несущественными в этом случае являются и статусные или этнические различия. Как сказал мне совсем молодой грузинский рэпер, описывая недолгую историю своей жизни в Москве: «*Это сейчас мы не из России, но я, например, из такого поколения, что я из Советского Союза, и для меня что Москва, что мой город...., я до сих пор себя считаю советским*».

Конечно, спустя десятилетие после 2001 года, грузино-русского военного конфликта (август, 2008) и признания Россией независимости Южной Осетии и Абхазии, ситуация заметно изменилась, и гражданам Грузии трудно сегодня чувствовать себя свободно в России, но реликтовая советская идентичность, по-прежнему, помогает мигрантам найти точку опоры в новом контексте жизни и ощущать себя *такими же как и все остальные*. Особенно много хранителей советской идентичности среди украинцев, белорусов и молдаван.

Эти выводы подтверждаются и исследованиями Института этнологии и антропологии РАН (ИЭиА РАН), систематически проводимыми с конца 1980-х годов, согласно которым порядка 22% москвичей считают своей родиной СССР и сохраняют советскую идентичность. Среди украинцев эта доля вырастает до 44%, среди татар она остается на среднем уровне – 23%, среди армян – 26%, грузин – 34%, азербайджанцев – 30%³⁰.

Предположение о сходстве механизмов действия русской и советской идентичностей косвенно подтверждает и тот факт, что сравнимое количество людей, определивших себя как «русские» и как «советские люди», идентифицируют себя со своей этнической группой – 10,4% и 8,6% соответственно (табл. 6).

Таблица 6. Соотношение иерархий идентичностей москвичей*

Считают себя в первую очередь:	Считают себя во вторую очередь:						
	Россиянином, гражданином России	Россиянином и москвичом	Москвичом	Жителем своего района	Советским человеком	Европейцем	Членом своей этнической группы
Россиянин, гражданин России	0,5	20,6	41,1	10,5	8,0	5,3	10,4
Россиянин и москвич	21,9	-	26,9	20,8	9,0	9,3	6,8
Москвич	41,3	20,0	1,1	16,4	7,6	2,5	5,9
Житель своего района	43,2	11,1	37,0	-	2,5	1,2	1,2
Советский человек	32,5	13,2	29,9	10,2	0,5	1,5	8,6
Европеец	31,4	17,8	31,1	15,6	4,4	-	-
Член своей этнической группы	10,9	20,4	36,5	9,5	8,8	5,8	2,9

* Данные цит. проекта «Гражданская активность, ...», 2001.

В таблице показано, какая доля жителей Москвы, идентифицирующих себя в первую очередь, например, с «россиянами», считает значимыми для собственного самоопределения отношения с московским сообществом в целом или, скажем, со своими соседями по кварталу, или своей этнической группой, или с иным объединением людей. Например, среди тех, кто считает себя, прежде всего, «европейцами» (таких всего 1,4%) в равной степени представлены «россияне», т.е. люди, считающие, что Россия является частью европейской цивилизации, и «москвичи», видимо, полагающие, что только Москва может претендовать на роль «европейца» в России.

Таким образом, все опросы сходятся в том, что для большинства москвичей приоритетной является их политическая, национально-государственная идентичность, которая может быть выражена как в более, так и в менее лояльной современным реалиям форме – «россиянин» или «советский человек».

Из этого следует, что для жителей столицы важно проведение специальной политики не столько в духе формирования *новой российской нации*, о чем постоянно говорится после событий на Манежной площади в Москве в декабре 2010 года, сколько в духе правильной расстановки акцентов в понимании этой *гражданской* нации. При определенных условиях дальнейшее форсирование национальных чувств с использованием патриотической риторики способно произвести незапланированный эффект и способствовать нежелательному росту негативных проявлений национализма. Опасность такой инверсии, как черт за иконой, нередко скрывается за самыми благонамеренными призывами к миролюбию и солидарности. Об этой опасности свидетельствует, например, расстановка акцентов в обсуждении проблем межэтнических отношений на заседании Госсовета РФ в феврале 2011 года.³¹

Басаргин В.Ф. (Министр регионального развития): *«Мы специально в докладе поместили социологию, которая отвечает на вопрос: ... чем вызван сегодня выплеск такой национальной розни, спрашивали, какой ответ на этот вызов мы должны дать сегодня. Практически у 100 процентов респондентов ответ был один: это укрепление единства российской нации, это всё, что связано с религиозной общностью, межэтнической общностью и нашей гражданской общностью. То есть ответ был один».*

Голубев В.Ю. (Губернатор Ростовской области) *«Безусловно, мы обязаны беречь и продвигать этнокультурные ценности всех народов, которые проживают в нашей стране, в том числе и самых малочисленных. В этом смысле этническая культура 80 процентов населения просто обязана иметь государственную поддержку. При этом мы, главы регионов, сами должны здесь*

активнее и эффективнее работать, чаще обмениваться творческими коллективами с республиками, поддерживать межкультурные связи между народами.

Эти и подобные им высказывания свидетельствуют об этноцентричном, а не гражданском видении национального сообщества «россияне». Как соединить гражданскую общность с религиозной общностью в поликонфессиональном государстве? Что такое межэтническая общность, отличная от гражданской общности? Жонглирование этими понятиями лишь оправдывает подмену общегражданских интересов групповыми интересами большинства, которые должны иметь «государственную поддержку».

Согласно широко распространенному мнению, справедливость которого далеко не очевидна, Россия, есть держава с одним «государствообразующим народом» и несколькими десятками «национальных» меньшинств³². Если большинство поддерживает эту систему взглядов, разделяя граждан по сортам в соответствии с приведенным определением, то Россия естественно начинает выглядеть как русское государство, а Москва – как его столица. А отсюда уже недалеко до лозунгов «Москва – русский город», «Россия для русских» и «Москва для москвичей». Соответственно усиление национально-государственной идентичности в Москве может означать не только повышение уровня гражданского самосознания, но и предрасположенность к русскому национализму в духе одно государство – один народ.

Жители Москвы как "москвичи"

Вторая особенность самоидентификации москвичей состоит в том, что московская идентичность не только сильно уступает по важности национально-государственной, но и гораздо чаще является дополнительной к другим формам самоидентификации, нежели лидирующей (см. табл. 4)

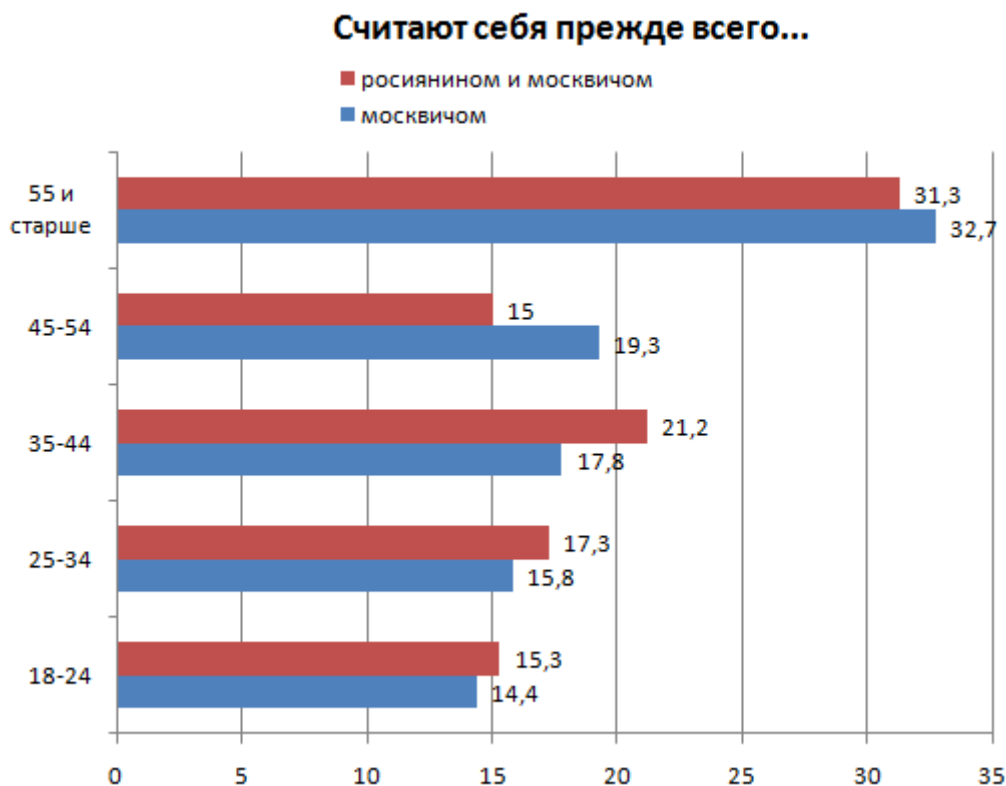
Бросается в глаза низкий уровень спаянности московского сообщества, поскольку среди тех, кто считает себя «москвичами», подавляющее большинство ощущает более тесную связь с безразмерным и анонимным сообществом россиян, нежели с вполне конкретными соседями, жителями своего района. В целом, если перейти от процентов к абсолютным цифрам, то оценочное совокупное число лиц, для которых важна самоидентификация с Москвой составляет порядка 2,5 млн. Остальные – это жители Москвы, люди, живущие в городе, но не живущие городом, пользующиеся городскими благами, но не готовые активно участвовать в городской жизни и защищать общегородские интересы.

Среди московского населения выделяются и две склонные к изоляционизму крайности. В первом случае речь идет о «патриотах» города (порядка 4% населения), для которых самоидентификация с Москвой является равно значимой в иерархиях идентичностей первого и второго уровней. Такой «патриотизм» может свидетельствовать как о действительной погруженности в московскую жизнь, так и о проявлениях московского снобизма и высокомерия.

Другая группа – это те, кто ограничивает свой московский мир районом своего проживания. Может возникнуть обманчивое впечатление, что такую привязанность к «дому» демонстрируют обитатели исторического центра – средоточия основных культурных и инфраструктурных объектов, хранителя неповторимой московской атмосферы. Однако, увы, данная самоидентификация характерна для окраин Москвы, отражая изолированность части населения, прежде всего, молодежи и стариков. Показатели для Измайлово, Кунцево, Люблино, Капотни, Щукино, и других районов московских окраин вдвое выше показателей центра – районов Арбата или Тверской.

Если говорить о возрастном распределении носителей московской идентичности, то их большее всего в старших возрастных группах (рис. 6). Такое распределение не является прямым следствием возрастной структуры населения Москвы или особенностей выборки. Например, среди тех, кто считает себя «европейцем» преобладает молодежь, «советским человеком» – старшие поколения, прежде всего «членом своей этнической группы» считают себя преимущественно 34-45-тилетние. Последняя группа, представляющая наиболее активные рабочие возраста, является и наиболее диверсифицированной по этническому составу, аккумулируя наибольшее число недавних мигрантов. Неслучайно у представителей этой группы возникают трудности с

самоидентификацией и они предпочитают опираться на общегражданскую идентичность, смешивая ее в разных пропорциях с другими важными для себя формами групповой лояльности.

Рисунок 6. Выраженность московской идентичности в зависимости от возраста москвичей

Возрастные особенности предпочтений в выборе собственной идентичности позволяют заключить следующее. Во-первых, московская идентичность формируется и укрепляется по мере жизни в Москве. Чем дольше человек живет в городе, тем выше вероятность, что он почувствует себя «москвичом».

Во-вторых, учитывая половозрастную специфику смертности в Москве, становится ясно, что среди тех, кто ощущает себя «москвичами», преобладают немолодые, пожилые и старые женщины. Эта та категория лиц, которые довольно рано выходят на пенсию по возрасту и активно пользуются всеми благами, предоставляемыми пенсионерам в Москве – бесплатным проездом в транспорте, льготами по оплате жилья, скидками в магазинах и пр. Это значит, что метафора «арбатские старушки» – носительницы исторической памяти и московских традиций имеет вполне очевидный физический (демографический) смысл, и что чувство «москвича» подпитывается, хоть и скромными, но все-таки вполне ощутимыми дивидендами, которые не хотелось бы терять.

В-третьих, пожилые «москвичи», как и «москвичи» в целом, разделяют самые разные взгляды и придерживаются разного образа жизни. Среди них выделяется группа активных пенсионеров, контактирующих с московскими властями по многочисленным вопросам функционирования коммунальных служб (услуги, ТСЖ, ремонт...) и социальной инфраструктуры (школы, детские сады, поликлиники...). В этом случае московская идентичность подкрепляется реальным участием в городской жизни. Однако это является правилом, действующим среди ограниченного круга лиц. Для большинства москвичей такие контакты затруднены не только по субъективным причинам (личная пассивность, нежелание сталкиваться с бюрократией, безразличие), но и по физическому состоянию. Согласно мониторингу «Социально-экономического положения и здоровья пожилых людей в России», 50% среди них испытывают затруднения при ходьбе и подъему по лестнице, 31% – при самообслуживании, 8% – не выходят из своих квартир и 5% не покидают постели³³.

Даже если эти пропорции для Москвы отличаются в лучшую сторону, все равно это означает, что большинство пожилых носителей московской идентичности не ведут активного образа жизни и оказывают влияние на гражданское самосознание преимущественно через посредство семьи и межпоколенческие контакты.

Все приведенные соображения невольно наталкивают на мысль, что московская идентичность, в отличие от идентичности национально-государственной, не обладает значительным потенциалом интеграции, поскольку это явление локализовано в определенной социальной страте и оказывает лишь косвенное влияние на общую атмосферу московской жизни. Однако не стоит торопиться с выводами.

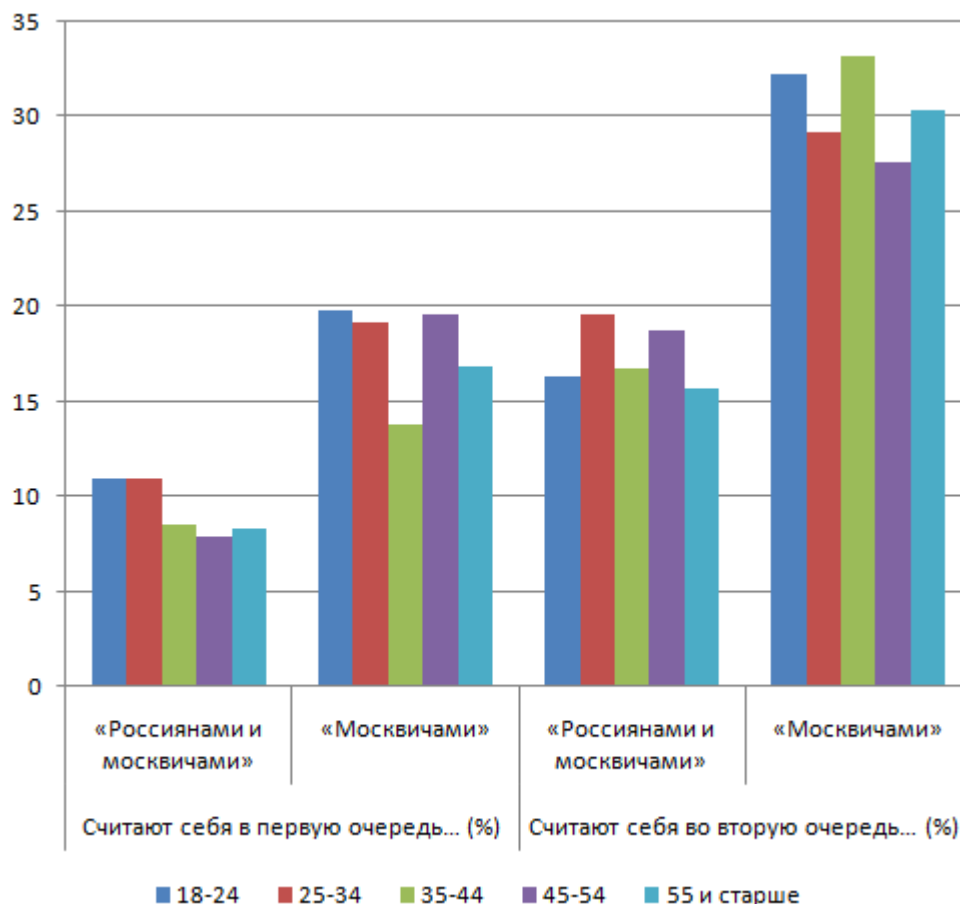
Коварство идентичности состоит в том, что принципиально важным является не то, сколько человек разделяет определенные чувства и эмоции, а степень персональной актуальности для человека его отношений с определенной группой, социумом, местом своего проживания, большой и малой родиной. Большие потрясения нередко провоцируются слабыми социальными возмущениями и малыми группами. Если на ситуацию с московской идентичностью взглянуть с этой точки зрения, то окажется, что московский патриотизм куда более «разогрет» в среде молодежи и их родителей, нежели в среде пожилых людей (табл. 7, рис. 7).

Таблица 7. Важность московской идентичности для москвичей разных возрастов*

Возрастные группы	Считают себя в первую очередь... (%)		Считают себя во вторую очередь... (%)	
	«Россиянами и москвичами»	«Москвичами»	«Россиянами и москвичами»	«Москвичами»
18-24	10,9	19,8	16,3	32,2
25-34	10,9	19,1	19,6	29,2
35-44	8,5	13,8	16,7	33,2
45-54	7,9	19,6	18,7	27,6
55 и старше	8,3	16,8	15,7	30,3

* Данные цит. проекта «Гражданская активность, ...», 2001.

Рисунок 7. Важность московской идентичности для москвичей разных возрастов*

* Данные цит. проекта «Гражданская активность, ...», 2001.

Это позволяет предположить, что нехватка гражданской активности среди пожилых компенсируется более молодыми поколениями, и что ключевые «московские» ценности вполне успешно транслируются. Вопрос лишь в том, что это за ценности? Конечно, всем бы хотелось, чтобы молодежь усваивалась ценности социальной ответственности и гражданственности, но реальность не оправдывает ожиданий.

Как показало исследование Любови Борусяк, проведенное среди московских студентов и старшеклассников, Москва рассматривается ими как высокостатусный, но дефицитный ресурс, правом распоряжения которым обладают «легитимные» москвичи, прежде всего, уроженцы города. Она пишет: «... представление о собственной элитарности, избранности в противовес всей остальной нищей, непригодной для нормальной жизни стране создало предпосылки для создания сообщества москвичей. ... Жителями Москва воспринимается как особое государство, границы которого необходимо охранять от внешней экспансии. Эту экспансию осуществляют две группы: русские мигранты и мигранты других национальностей. Первые из них не стали восприниматься как враги, но в нежелательных и опасных конкурентов они превратились. На этом уровне ксенофобию можно охарактеризовать как негативный катализатор локальной, городской консолидации»³⁴.

К этому стоит добавить, что антимигрантские настроения еще в советское время играли важную роль в выработке московской идентичности. Ее существенной частью было ощущение привилегированности положения столичных жителей, чувство превосходства над «провинциалами», «деревенщиной», «лимитчиками». С точки зрения москвичей, «допуск» в столицу – это своего рода подарок, который еще надо заслужить особым старанием. Именно

недостаток этого старания ставится в вину мигрантам, прежде всего, отличающимся этническим происхождением, обликом и явно немосковским поведением. С точки зрения москвичей, на смену городской культуре приезжие несут собственное бескультурье, тем самым, уничтожая город. «Азиатские» привычки в «европейской» Москве воспринимаются как клеймо, стигматизирующее его носителя на всю оставшуюся жизнь и тенью ложащееся на следующее поколение.

В этой ситуации, сутью московской идентичности становится социальное исключение, а не включение. «Мы-москвичи» означает не внутреннее единство, общность разделяемых ценностей и интересов, а особый выделенный статус. Базисом интеграции становится кастовость и нетерпимость к приезжим. Согласно опросам ФОМа, две трети москвичей полагают, что они заметно отличаются от жителей других городов страны³⁵. Именно это послание и транслируется пожилыми москвичами молодым.

Не менее любопытно, чем возрастная структура носителей московской идентичности, выглядит их социально-профессиональная принадлежность с преобладанием рабочих специальностей (табл. 8).

Таблица 8. Социально-профессиональный состав москвичей-носителей «московской идентичности»

Основные социально-профессиональные категории	Работающие			Пенсионеры		
	Являются	Считают себя в первую очередь...		Ранее работали	Считают себя в первую очередь...	
		Россиянами и москвичами	Москвичами		Россиянами и москвичами	Москвичами
Руководитель, менеджер верхнего звена	5,0	6,1	5,7	6,9	5,7	4,9
Предприниматель	8,6	7,3	8,9	2,2	3,4	0,5
Военнослужащий, работник правоохранительных органов	3,5	1,8	2,2	5,6	9,2	3,2
Инженер, специалист, руководитель или менеджер среднего звена	19,2	16,5	15,8	18,6	23,0	20,5
Работник умственного труда	23,6	29,3	21,5	25,6	29,9	22,2
Рабочий	28,5	28,7	30,1	36,2	25,3	43,2

*Данные цит. проекта «Гражданская активность, ...», 2001.

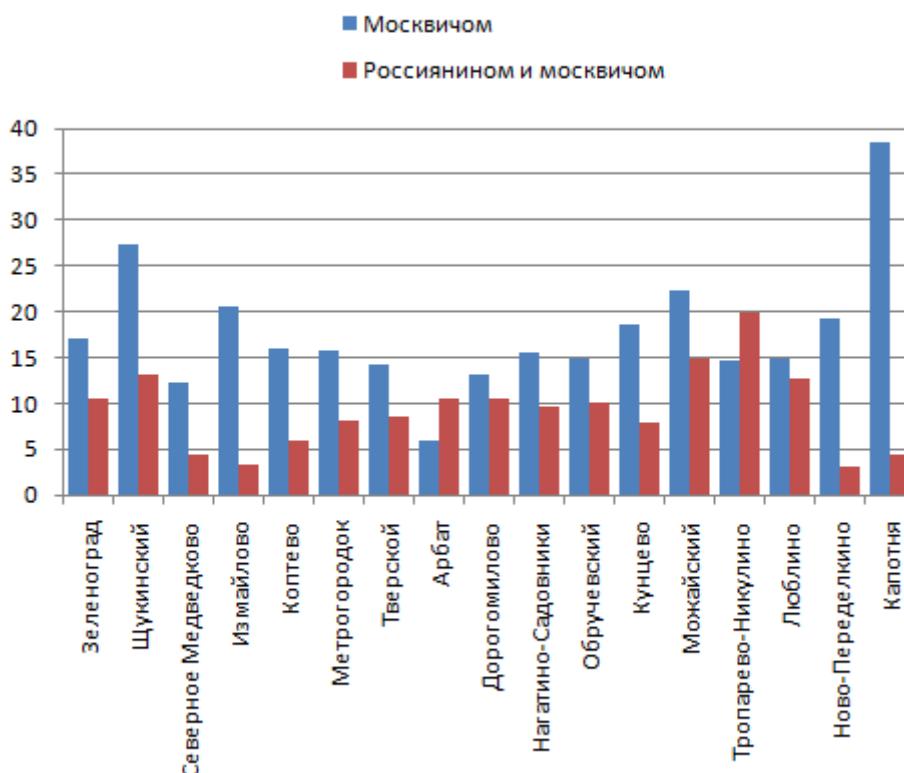
Сдвиг в сторону рабочих профессий значительно более выражен среди пенсионеров, нежели среди работающих москвичей, что логично, учитывая обвальную деиндустриализацию Москвы в 1990-е годы. Вторую позицию занимают работники умственного труда, включая тех, кто обслуживает социальную инфраструктуру города, на третьем – инженеры, специалисты, руководители и исполнители среднего звена, составляющие основную массу московских служащих как городского, так и федерального уровня. Последние места в порядке убывания принадлежат предпринимателям, руководителям и менеджерам верхнего управленческого уровня, военным и работникам правоохранительных органов, но это именно те категории лиц, которые и определяют основные решения, принимаемые в городе.

Если сравнить структурные особенности выборки и социально-профессиональный профиль сообщества «мы-москвичи», то надо признать, что на шкале социальной модернизации, отражающей переход от общества индустриального к обществу постиндустриальному, московский

социум в целом выглядит более современным, нежели подгруппа «москвичей». Если учесть, что среди носителей московской идентичности очень существенен вес пожилых людей, это расхождение становится еще более очевидным. Отчетливое преобладание в структуре последних рабочих, утративших свои доминантные позиции в обществе, заставляет подозревать, что московская идентичность выполняет, кроме всего прочего, и компенсаторные функции, снижая ощущение внутреннего дискомфорта от утраты прежнего статуса.

Дополнительную пищу для размышлений дает анализ выраженности московской идентичности в зависимости от места проживания респондентов. Оказывается, что наиболее остро свою связь с Москвой переживает население московских окраин, а не исторического центра (рис. 8). Так, среди жителей Зеленограда отождествляют себя прежде всего с «москвичами» 17,1% опрошенных, а среди обитателей Арбатских переулков – символа московской городской среды и особого аромата московской жизни, таких только 6%. Капотня выглядит как колыбель московской идентичности и центр московского патриотизма – 38,4% респондентов отнесли себя к «москвичам». В Щукино – таких 27,3%, Можайском – 22,3%, Измайлово – 20,5%, Ново-Переделкино – 19,4%.

Считает себя прежде всего...

Рисунок 8. Выраженность московской идентичности в зависимости от центральности или периферийности района проживания

* Данные цит. проекта «Гражданская активность, ...», 2001.

Конечно, идентичность – это не застывшая данность, а меняющееся в процессе разнообразных социальных взаимодействий определение человеком координат собственного мира и своего места в нем, ее проявления (и обострения) ситуативны, и зависят от большого количества объективных и субъективных факторов. Поэтому в каждом случае необходим дополнительный анализ. Но можно все-таки попытаться выдвинуть гипотезы, объясняющие рост значимости московской самоидентификации по мере удаления от центра города.

Первая: историческая Москва все больше становится частью города, в которой никто не живет. Мифические арбатские старушки съехали на окраины, коммуналки были расселены, на смену их обитателям пришли новые слои городской буржуазии, во многом сформированные из приезжих. Покупка квартиры в центре Москвы является хорошей инвестицией для платежеспособной части населения всего постсоветского пространства, а арендованная квартира – престижным адресом для работников крупных российских и западных компаний. Поэтому не приходится удивляться, что среди жителей центра не так уж и много тех, кто ощущает себя «москвичом».

Вторая гипотеза связана не столько с перемещениями по территории города и межрайонными обменах населениям, сколько с социальной мобильностью и адаптивностью людей, с распространением маргинальности, которая как социальное явление приобрела большие масштабы в российском обществе.

Отмечаемый рост маргинальности³⁶ во многом объясняется переживаемыми страной трансформационными процессами, интенсифицировавшимися миграциями и постоянно выдвигаемыми задачами социальной модернизации. Возникающий в результате «отставания от жизни» стресс - следствие различий в скорости перемен, происходящих в разных слоях общества, и неизбежности постоянного сравнения себя с более успешными соседями. Одним из индикаторов социального стресса становится кризис идентичности, предсказанный еще Элвином Тоффлером³⁷ и вызванный тем, что поиски человеком самого себя, своей индивидуальности и социального статуса осложняются динамизмом, новизной и изменчивостью среды жизни - как социальной, так и материальной. Стремление к самоутверждению входит в противоречие с ростом разнообразия и подвижностью норм и моделей поведения. Все к чему бы мог «прислониться» человек становится все более непрочным и лишенным незыблемости вечных ценностей. В результате все достижения оказываются кратковременными и никто не гарантирован от сползания на периферию происходящих процессов. Новая маргинальность становится не только следствием бедности, миграций, разрыва или потери социальных связей, но и неспособности или нежелания индивида меняться вслед за быстрыми переменами жизни, усваивать и «присваивать» нововведения.

Российская и московская специфика в этом случае проявляется не только в том, что в результате политических и экономических трансформаций значительные группы населения оказались в ситуации маргинальности и их моральные потери от снижения социального статуса не были компенсированы ростом благосостояния, но и в том, что первое постсоветское поколение, на которое возлагались большие надежды как на поколение «свободных людей», выросло в этой обстановке и усвоило комплексы и обиды своих родителей. Ахиллесовой пятой этого поколения, по образному выражению Ларисы Паутовой, стал страх быть неуспешным, «лузером»³⁸, который приводит к обострению чувства внутреннего дискомфорта и может проявляться в повышенно агрессивной ориентации на самоутверждение и пестование чувства собственного превосходства над другими.

Если с этих позиций взглянуть на отмеченную тенденцию роста значимости московской идентичности по мере удаления от исторического центра города, то обращает на себя внимание тот факт, что своего пика показатели достигают не просто в окраинных районах, а в районах, обладающих в глазах общества наихудшей репутацией, таких как Люблино или Капотня. Столь же окраинные, но более благополучные районы менее привержены московскому самосознанию.

Таким образом, московская идентичность в деле консолидации московского сообщества играет весьма неоднозначную роль, способствуя скорее разрушительным процессам, а принадлежность к общности «мы-москвичи» становится средством обозначить свою избранность, кастовость и нетерпимость к другим.

Этническая versus московская идентичность и заботы этнофоров

Слабость московской идентичности, ее исключаящий, а не включающий характер и элитарный базис, основанный на чувстве превосходства москвича над не москвичом, ставят вопрос о значимости этнической составляющей самоидентификации москвичей. Насколько приоритетным для человека является его этническое самовыражение? Если чувство локальной московской общности на сегодня не способно нейтрализовать существующие в обществе противоречия, то

насколько опасным является напряжение, возникающее между представителями разных этнических групп и традиций?

Если вновь обратиться к данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), то половина москвичей (55,1%) ощущает тесную связь со своей этнической группой, а другая половина (54,7%) – свою «кровную» связь с Москвой.³⁹ Как интерпретировать эти данные? Являются ли эти два множества пересекающимися или мы наблюдаем ситуацию раскола? Ведь обе формы идентичности содержат в себе набор определенных символов, традиций, норм и ценностей, опирающихся на коллективную память и опыт, и обе могут быть использованы для социальной мобилизации самыми разными силами. Насколько реальным является сценарий противостояния «москвичей» и «этнических группировок», насколько возможно с этой позиции интерпретировать беспорядки 11 декабря 2010 года, в которых приняло участие несколько тысяч человек?

К сожалению, такой сценарий нельзя сбрасывать со счетов, поскольку и московская и этническая идентичности в Москве работают по принципу исключения, а значит, могут оказаться конфликтующими. Однако, к счастью, данное объяснение не исчерпывает всего разнообразия московских ситуаций и не является единственным. Распределение москвичей по показателю «тесноты связи» с городом слабо зависит от этнической принадлежности и не слишком варьируется при сравнении самоидентификации русских и нерусских москвичей. Различия возникают при определении места, которое отводится этничности в жизни людей (табл. 7).

Таблица 7. Особенности самоидентификации «русских» и «нерусских» москвичей

Распределение ответов на вопрос: «Кем Вы себя считаете?»	Наиболее представительные этнические группы							
	Русские	Украинцы	Белорусы	Грузины	Азербайджанцы	Армяне	Татары	Евреи
Доля группы в выборке, %	87,1	2,8	0,6	0,7	0,9	1,0	1,4	1,5
Членом своей этнической группы								
В первую очередь	3,5	4,1	-	20,8	27,1	20,6	14,9	1,9
Во вторую очередь	7,6	10,8	4,6	12,5	-	35,3	6,5	4,3
В третью очередь	3,7	5,5	-	-	-	-	-	11,4
Россиянином, гражданином России								
В первую очередь	52,3	51,5	54,5	54,2	50,0	44,1	48,9	45,1
Во вторую очередь	15,8	12,9	9,1	4,2	16,7	8,8	17,4	21,7
В третью очередь	8,0	9,9	9,1	-	-	-	4,4	2,3
Россиянином и москвичом								
В первую очередь	9,4	2,1	9,1	4,2	-	2,9	8,5	15,7
Во вторую очередь	17,7	12,9	22,7	16,7	-	5,9	10,9	17,4
В третью очередь	9,7	11,0	9,1	4,3	-	23,5	-	-
Москвичом								
В первую очередь	17,9	11,3	13,6	-	6,2	11,8	19,2	15,7
Во вторую очередь	31,6	21,5	27,3	20,8	33,2	20,6	28,3	23,9
В третью очередь	24,4	28,6	13,6	21,7	33,4	23,5	17,8	34,1
Жителем своего района								
В первую очередь	2,6	5,2	9,1	-	-	-	-	-
Во вторую очередь	11,2	16,1	27,3	20,8	16,7	11,8	-	8,7
В третью очередь	27,5	13,2	13,6	17,4	32,5	14,7	28,9	29,5
Советским человеком								

В первую очередь	5,9	13,4	9,1	4,5	16,7	3,2	2,1	6,3
Во вторую очередь	6,7	6,5	4,5	9,3	-	5,9	19,6	8,7
В третью очередь	5,9	2,2	22,7	4,3	-	8,8	11,1	2,3
Европейцем								
В первую очередь	1,3	1,0	-	4,2	-	2,9	-	5,9
Во вторую очередь	4,2	8,6	-	8,1	-	6,1	4,3	13,1
В третью очередь	7,1	13,2	4,5	13,0	-	5,9	8,9	1,2

* Данные цит. проекта «Гражданская активность, ...», 2001.

Для всех значимых этнических групп в Москве этническая идентичность уступает первенство национально-государственной и локальной: люди ощущают себя, прежде всего, россиянами и москвичами. Даже в тех случаях, когда этничность выходит на первый план, она дополняется московской (36,5%), российской (10,9%) или смешанной российско-московской (20,4%) идентичностью. Получается, что те, для кого так важна их этническая принадлежность, являются не меньшими российскими и московскими патриотами, чем остальные москвичи.

Несмотря на то, что ощущение себя «русским» для русского не менее важно, чем для представителей других народов, этническая самоидентификация и чувство этнической солидарности не играют первостепенной роли в жизни русских москвичей. Опорой идентичности русских в Москве являются их самосоотнесение со страной, городом и районом проживания. Неоспоримо доминирующее положение русского языка и культуры определяет, на мой взгляд, отсутствие у русских необходимости утверждать свое право на культурное самовыражение за счет этнической самоидентификации. И то, что это все же происходит, свидетельствует скорее о распространённости маргинальных страхов, а не о реальной угрозе русскому языку и культуре.

Культурное доминирование русских оказывает значительное влияние и на представителей других народов, живущих в Москве. Для многих ощущение себя «русским», означающее родство с доминирующей культурой, становится не менее важным, чем близость с представителями своей этнической группы. Из интервью: *«Мой дед по отцовской линии родился в Армении. Он пережил армяно-турецкую резню, бежал из своей деревни. Я не знаю, где он жил, но, в конце концов, оказался в Ереване. Там родился мой отец. В Москву он приехал учиться и здесь остался. Лично я никак не ощущаю свою национальность, скорее бы я сказал, что я просто москвич. Я себя чувствую москвичом, потом – россиянином, а в третью очередь, наверное, присутствуют какие-то национальные чувства. Хотя, если я оказываюсь в окружении турок, я непроизвольно бледнею».*

Среди турок, вы себя ощущаете армянином, а среди русских? - *«Скорее русским».*

Другими словами, этничность – это культурный выбор, который осуществляется человеком в зависимости от обстоятельств и может быть продиктован как рациональными, так и иррациональными соображениями. Подвижность этнической самоидентификации проявляется не только в повседневной практике (так, аварец в Дагестане, оказывается «дагестанцем» в Москве, а еврей в Москве – русским в Нью-Йорке или русский в Харькове – украинцем в Канаде), но и отражается в данных опросов.

Согласно нашему исследованию, среди респондентов, которые идентифицировали себя как «русские», доля указавших, что их оба родителя являются «русскими», составила 80,2%, один из родителей – 6,4%, и оба родителя нерусские – 5,1%. Большинство случаев смены идентичности отмечалось в семьях, где один или оба родителя были украинцами, белорусами или евреями (60%). Среди представителей других народов, традиционно живущих в Москве, доля лиц голосующих в пользу русской самоидентификации не столь велика, но все же достаточно существенна: среди татар – 7,4%, армян – 5,2%, грузин – 4,1%, немцев и поляков – по 2%.

Данное наблюдение подтверждается и опросами ИЭиА РАН, согласно которым в украинских и смешанных русско-украинских семьях до 60% детей считают себя «русскими», в русско-армянских – 22%, русско-грузинских – 27%, и т.д. Еще большие сдвиги происходят в сфере владения языком своей национальности. Если в поколениях родителей доля лиц, более или менее свободно владеющих языком своего народа, составляет среди московских татар 72%, армян – 58%, грузин – 65%, азербайджанцев – 82%, то в поколениях детей уже вдвое меньше – 38%, 23%, 36% и 48% соответственно. Аналогичная ситуация наблюдается и в остальных этнических группах. Более того, представители этнических меньшинств, несмотря на борьбу за существование школ с преподаванием на национальном языке, столь же солидарно не хотят, чтобы их дети там учились, прекрасно понимая, что это будет мешать их успешной социализации⁴⁰.

Это свидетельствует о том, что, наряду с ростом этнического многообразия, в Москве идет интенсивный процесс социальной (подчеркиваю, социальной) ассимиляции, приводящий к сближению представителей разных этнических групп. Одной из черт возникающего гетерогенного сообщества становится смешанная идентичность его членов, базирующаяся на городской культуре. Исследование процессов взаимной адаптации на примере русских в Средней Азии, русских в Эстонии или немцев в Алтайском крае, показали как, меняя социальную и материальную среду своего нового обитания, люди под влиянием этой среды меняются сами⁴¹. Нечто похожее происходит и в Москве.

Безусловно, процессы этнокультурного сближения растягиваются на жизнь нескольких поколений и идут с разной скоростью в разных слоях общества. Более того, они подвержены влиянию внешних обстоятельств, таких, как миграции, политика государства, экономическая ситуация, установки системы образования, готовность общества к восприятию изменений, и прочее. Реакцией на процессы адаптации и ассимиляции становится и стремление защитить свою самобытность от разрушительного процесса гибридизации и утвердить свое право на инаковость.

В случае Москвы это стремление наиболее выражено у представителей народов Кавказа и Средней Азии, затем Поволжья, и практически полностью отсутствует у народов восточной и центральной Европы (поляки, немцы, венгры). Сильное чувство этнической солидарности свидетельствует о неукорененности представителей этнических группы, переживаемом ими стрессе, заставляющем людей искать защиты у представителей своей этнической группы. В каждой из таких групп существует своеобразное ядро *этнофоров* – носителей этнической идентичности. Для них этничность является главным ориентиром, предопределяющим картину окружающего мира. Конечно, этнофоры могут быть как активными, так и пассивными участниками городской жизни, но данная среда благоприятна для роста национализма.

Фундаментализм этнофоров, их обращенность в прошлое и установка на размежевание вовсе не означают тяги к самоизоляции. Они, скорее, заинтересованы в интеграции с принимающим сообществом, поскольку это дает дополнительные ресурсы продвижения своих взглядов и обретения легитимных позиций. Хотелось бы подчеркнуть, что, хотя интеграцию принято трактовать как главную цель достижения мира и согласия в обществе, она является лишь первым шагом в этом направлении, означающим, что индивид освоил принятые в обществе нормы и правила и формально им следует. Для большинства людей это полезно и не слишком обременительно, поэтому этнофоры стремятся к интеграции, но всячески противодействуют ассимиляции, предполагающей смещение этничности на периферию личностной самоидентификации.

Вторым условием успешного использования этнофорами социальных институтов в своих целях, помимо интеграции в принимающее сообщество, является консолидация самих этнических групп, от лица которых выступают активисты. Это ставит вопрос об уровне этнической солидарности и наличии тесных внутриобщинных связей в этнической среде. Действительно, участие в деятельности землячеств и иных этнокультурных ассоциаций среди этнических мигрантов примерно вдвое выше, чем среди остальных москвичей – 15% против 7%, но все равно это немного и свидетельствует, скорее, о разобщенности этнических сообществ, нежели об их спаянности.

Однако, ситуация может выглядеть иначе, если предположить, что эти 15% локализованы, формируя компактные ареалы проживания. Действительно, среди лиц, идентифицирующих себя,

прежде всего, со своей этнической группой, почти 10% заявляет о тесной связи с районом своего проживания (см. табл. 7). Это означает, что предпосылки для компактного расселения этнических групп в Москве есть. Этому способствует и уверенность жителей города, что этнические кварталы существуют. Как сказала мне одна из собеседниц, *«...у нас одна сторона улицы считается армянской, а другая – азербайджанской»*, хотя с большой долей уверенности можно утверждать, что по обеим сторонам улицы большинство составляют русские.

Говоря об этнофорах, следует упомянуть и о русских, демонстрирующих черты «этнического» поведения: 3,5% русских респондентов выдвигали свою этническую принадлежность на первое место. В процентах это выглядит безобидно, но в абсолютных цифрах – впечатляюще: порядка 250-300 тыс. человек в Москве склонны к тому, чтобы считать русских дискриминируемой группой и требовать для них особых привилегий, соответствующих их статусу. К позиции – *«это мы, настоящие русские, имеем наше собственное право быть «другими», наше собственное право охранять свою культуру и идентичность от нежелательных смешений»*, в большей или меньшей степени присоединяется еще порядка 10% москвичей. В совокупности армия русских националистов насчитывает совсем немало сторонников. Собственно, здесь и кроется источник ксенофобии и моральной паники, охватившей население города в связи с ростом этнокультурного разнообразия.

Таким образом, для Москвы характерно сложное и неоднозначное соотношение политической (национально-государственной), городской (московской) и этнической идентичностей. Наибольшей интегрирующей силой в Москве обладает национально-государственная идентичность, объединяющая москвичей и приезжих и уравнивающая их в правах. Она одновременно противоостоит московскому снобизму и поддерживает право на межэтнические различия. С этой ситуацией можно было бы согласиться, если бы разобщенность москвичей, их слабая озабоченность проблемами, выходящими за рамки личных интересов и повышенная чувствительность к поддержанию своего привилегированного статуса, не вели бы к углублению расколов в обществе. Пока «москвич» в Москве был стар, слаб и пассивен, «россияне» вполне поддерживали необходимый уровень спокойствия жизни в городе, но когда молодой и деятельный «москвич» подрос, окреп и показал себя «россиянам» во всей красе, случились события на Манежной площади. Поэтому укрепление культуры гражданственности как важнейшего объединяющего основания городской московской идентичности должно быть одной из главных забот московских политиков. Повседневная жизнь Москвы ставит на повестку дня вопрос о том, насколько возможно преобразовать нарастающее культурное (включая этнокультурное) многообразие жизни города в гражданскую культуру, и как достичь того, чтобы эта гражданская культура была воспринята и принята москвичами.

Задача не из легких. Очевидно, что достижение полного единства в таких сложных и разнородных социально-экономических и культурных сообществах, как население Москвы, – это утопия, однако и без осознания объединяющих интересов и ценностей общество обречено на маргинализацию, конфликтность и распад. Вопрос - куда двигаться в поисках соломонова решения? Насколько, в принципе, возможно достигнуть гражданской интеграции в городском сообществе, которое постоянно продуцирует сегрегацию (имущественную, социальную, жилищную и пр.)? Я не хочу сказать, что различия обязательно провоцируют отторжение, но как преодолеть тревожные тенденции неприятия роста этнокультурного разнообразия жизни, отчетливо проявляющиеся в Москве.

Мне представляется ошибочной позиция, согласно которой объединительным базисом московской идентичности может стать «московская» культура. Объединительные принципы не вырастают на почве навязывания культурной унификации, даже основанной на традиционных духовных и нравственных ценностях. Наблюдаемое сегодня межэтническое напряжение и растущий разрыв между москвичами и приезжими, особенно иммигрантами, объясняется не столько дистанцией в сфере языка и культуры, сколько близостью в социальном и физическом пространстве Москвы. Этническое вытеснение и притеснение – это первая реакция на непривычное, разнонаправленное движение социальных лифтов, поднимающих и опускающих не тех, кому это было «положено» еще недавно, а иногда и на бездействие социальных лифтов (например, для молодежи). Несмотря на все декларации об особой ценности культурного разнообразия, постоянное выпячивание этнических вопросов в публичном дискурсе и обыденной жизни москвичей, интеграция на основе гражданских принципов имеет прямое отношение не к культурной, а к социальной политике.

Объединяющие ценности куда скорее возникают в процессе осознания и решения общих задач, совместно переживаемых социальных ситуаций, заставляющих людей забывать межэтнические различия. Такую объединительную роль играют многие социальные институты, рынок труда, спорт, сфера искусства и развлечений, политическая активность и общественная деятельность. Отдельно стоит упомянуть и общий язык как в смысле средства коммуникации, так и в смысле разделяемых ценностей и целей. Знание русского языка в Москве необходимо, потому что открывает возможности социальной мобильности, образования и карьеры. Если же социальные лифты не работают, то мигрантам, обреченным оставаться на нижних этажах социальной иерархии, незачем осваивать язык, они вполне могут мести двор или торговать на рынке, обходясь ограниченным набором русских слов. Поэтому, вырабатывая политику в сфере межэтнических отношений, целесообразнее опираться не на культурные аргументы, а на анализ социальных взаимодействий, открывающий возможность поиска путей преодоления социального аутсайдерства.

Понятно, что эта задача невероятно сложна и как минимум требует ответа на вопрос о характере проводимой политики и ее адресатах. Необходимо понимать, каков размер адресных групп? Что значит в контексте Москвы быть членом «принимающего сообщества», «большинства» или «меньшинства»? Насколько пригодны эти понятия для выработки этнокультурной политики и политики идентичности? Не должны ли мы их переосмыслить?

---

¹ Вендина Ольга Ивановна – к.г.н., ведущий научный сотрудник Института географии РАН

² См. например, Паин Э. *Россия: уровень ненависти подбирается к отметке «взрыв»*. Новая газета. № 06-07 от 24 января 2011 г. и № 08 от 26 января 2011 г.

³ Хиджаб для Марии. *Чем угрожает отсутствие миграционной политики?* Аргументы и Факты, №46, 11 ноября 2009.

⁴ Бойко А. *В 2050 году в столице не останется русских. Генетики провели исследование «За кого входят замуж москвички»*. Комсомольская правда. 20.01.2003

⁵ См.: Малькова В.К. и В.А. Тишков. *Этничность и толерантность в средствах массовой информации*. М.: ИЭиА РАН, 2002. – 348 с. Мукомель В. *Миграционная политика в России*. М.: ИС РАН, 2005. – 351 с.; Титов В.Н. *О формировании прессы образа этнического мигранта (взгляд социолога)* // Социологические исследования, № 11, 2003. – С. 41-50

⁶ Поверьте, я никоим образом не националист / «Газета.ру», 20 апреля 2011 года
<http://www.gazeta.ru/social/2011/04/20/3590201.shtml>

⁷ Пятилетова Л. *Москвичи пяти морей. Михаил Соломенцев: Ставку нужно делать на то, что объединяет жителей столицы*. Российская газета. Центральный выпуск. № 5208 (129). 16 июня 2010.

⁸ Заключение комитета конституционного надзора СССР от 11.10.1991 № 26 (2-1) «О разрешительном порядке прописки граждан». Законодательство России. Инфоправо.
<http://infopravo.by.ru/fed1991/ch01/akt10870.shtml>

⁹ Юдина Т.Н. *Международная миграция в Москве: социолого-экономический анализ влияния на социальные процессы. // Миграционная ситуация в Москве. Информация и общественное мнение*. М.: Комитет по телекоммуникациям и СМИ Правительства Москвы. «СИМПТОМ», №10 (128), 2002. с. 53

¹⁰ Нестабильный визовый режим пересечения границы существовал с 2000 года только с Грузией. Периодические конфликты, возникающие на уровне российских и грузинских правящих элит, провоцировали административные «репрессии» против граждан Грузии, проживающих в Москве, связанные с несоблюдением визовых формальностей.

¹¹ Кузьмин М. *Национальная школа России в контексте государственной образовательной и национальной политики*. Электронный журнал «Русский язык», август 2001.
[\[http://www.gramota.ru/mag_new.html?id=81\]](http://www.gramota.ru/mag_new.html?id=81)

¹² Согласно Концепции национальной образовательной политики РФ, «бикультурность – это состояние одновременного и полноценного владения двумя культурами. Возникает в социокультурном, образовательном пространстве России как результат взаимодействия родной и неродной культур (русской и культуры другого этноса), может включать в себя двуязычие

(билингвизм)».

¹³ Горячев Ю.А., Захаров В.Ф., Курнешова Л.Е., Омельченко Е.А. *Интеграция мигрантов средствами образования: опыт Москвы*. М., 2008, с. 79-80.

¹⁴ Пятилетова Л. *Цит.соч.*

¹⁵ Например, в серьезном академическом издании, посвященном изменению этнической структуры населения Москвы (таких серьезных работ совсем немного и каждая из таких публикаций сразу же оказывается в центре внимания), читаем: «Москва – это русский город. Мигранты, если они ориентированы на долгосрочное пребывание в столице, должны приспособиться к условиям жизни русского города, ... отказавшись от многих этнических и культурных атрибутов, дабы не выделяться среди жителей Москвы и не вызывать недоумения и недовольства» (Остапенко Л. В. и Субботина И.А. *Москва многонациональная. Старожилы и мигранты: вместе или рядом?* М.: Российский Университет дружбы народов, 2007. –352 с.) Примерно в том же духе в ходе экспертного обсуждения проекта «Концепции» высказался и заместитель директора Института этнологии и антропологии РАН Владимир Зорин: «Конечно, хорошо, что много внимания здесь уделено новым москвичам, но это не должно быть в ущерб принимающему сообществу. Иначе они будут себя чувствовать обделенными. Москва – это все-таки русский город» (*Мигрантов в Москве защитят «инновационной концепцией»*). (Столичные власти разрабатывают новый закон для защиты прав мигрантов. GZT.RU, 12 февраля 2010.

<http://www.gzt.ru/topnews/society/-stolichnye-vlasti-zaschityat-migrantov-/288966.html>).

¹⁶ *Москва ставит национальный вопрос*. Столичное правительство разработало концепцию межэтнических отношений. «Коммерсантъ», №26/П (4326) от 15 февраля 2010.

¹⁷ Петухов В.В., Пахомова Е.И., Седова Н.Н. *Права человека и дискриминационные практики в современной России* // Общественные науки и современность. М., 2003. – с. 40-48.

¹⁸ *Мнение москвичей о миграционной ситуации и деятельности Правительства Москвы и органов исполнительной власти всех уровней по ее оперативному регулированию*. – М.: ООУ НИЦ «Инженер», 2006. – 125 с.

¹⁹ Цит. по: Миронов Б.Н. *Борьба менталитетов: традиция против модернизма*. Социальная история России. Т.1. С.-Петербург, 1999. с. 337-345.

²⁰ Миронов Б.Н. *Op. cit.* с. 337-345.

²¹ Рыжова С. *Идентичность москвичей (опыт исследования)*. // Социологические исследования, № 8, Август 2008. – с. 40-49.

²² Хороши примером коллекции полного набора «патриотических» и «духовных» штампов является доклад Главы Комиссии по культурной, информационной и градостроительной политике Общественного совета Москвы Михаила Лермонтова «Об основных направлениях государственной политики в области сохранения культурно-нравственных ценностей и укрепления духовного единства российского народа». KM.RU, 21 июля 2009, [http://news.km.ru/m_lermonov_doklad_na_zasedanii_]

²³ *Москвичи и петербуржцы: различия в стилях жизни и потребления*. COMCON. Персонал МИКС № 4-5 2005. –с. 7-9

²⁴ Рыжова С. *Цит. соч.* – С. 41.

²⁵ В рамках проекта в 2001 году был проведен квартирный опрос 3500 москвичей в 17 районах Москвы. Выбор районов был определен типологией, основанной на анализе 52 индикаторов, включая демографические и социальные характеристики населения, политические предпочтения, а также особенности застройки и рынка недвижимости. Целью опроса было выявление связи между гражданской активностью и условиями жизни людей. В анкету были включены блоки вопросов, связанные с социально-профессиональной и этнической принадлежностью респондентов, их идентичностью и уровнем жизни.

²⁶ Хантингтон С. *Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности*. М.: АСТ, 2008. – 635 с.

²⁷ Магун В.С. и Магун А.С. *Идентификация граждан со своей страной. Российские данные в контексте международных сравнений*. // Л.М. Дробужева и Е.И. Головаха (Отв. ред.)

Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации. Киев, 2007. – С. 220-240.

²⁸ Рыжова С. *Op. cit.* С. 43.

²⁹ Козлов Н.Д. Политические культуры регионов России: уравнение со многими неизвестными. // Полис, №4, 2008. С. 8-26

³⁰ Арутюнян Ю.В. *Москвичи. Этносоциологическое исследование.* М.: НАУКА, 2007. – 270 с.

³¹ Стенограмма заседания президиума Госсовета, посвященного мерам по укреплению межнационального согласия, в Уфе 11 февраля 2001 г. / Официальный сайт «Президент России». <http://президент.рф/новости/10312>

³² Например, в Концепции государственной национальной политики РФ (1996) читаем: «Межнациональные отношения в стране во многом будут определяться самочувствием русского народа, являющегося опорой российской государственности» (*Национальные отношения: отечественные и международные правовые документы.* М., 1998. с. 29).

³³ Голикова «нарисовала» социальный портрет пожилого россиянина. /«РИА Новости», 25 октября 2010 года, <http://www.rian.ru/society/20101025/289139303.html>

³⁴ Борусяк Л. Патриотизм как ксенофобия (результаты опроса молодых москвичей) // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2004, № 6 (74). – С. 58-70.

³⁵ *Москва и москвичи в представлениях россиян.* База данных ФОМ, Москва, 6 сентября 2007 года [<http://bd.fom.ru/report/cat/mos/d073622>]

³⁶ См., например: Попова И.П. *Новые маргинальные группы в российском обществе (теоретические аспекты исследования)* // Социологические исследования. №1, 1999. С. 62-71

³⁷ Тоффлер Э. *Шок будущего.* Пер. с английского. М.: Изд-во «АСТ», 2002. 557 с.

³⁸ «Русский репортер»: Лариса Паутова о «поколении Y». База данных ФОМ. Пресс-релиз, 6 апреля 2010 года http://bd.fom.ru/report/map/pokolenie21/novpok060410_press

³⁹ Рыжова С. *Op. cit.* с. 41.

⁴⁰ Арутюнян Ю.В. *Op. cit.*; Арефьев А.Л. *Дети из семей иностранных мигрантов как новое явление в российских школах: социо-лингвистические и экономические аспекты* // Демоскоп-Weekly. 2010, № 441-442. http://demoscope.ru/weekly/2010/0441/analit01.php#_FN_7

⁴¹ Матис В.И. *Немцы Алтайского края.* // Социологические исследования. 2009. №11. –с. 79-83. Савоскул М.С. *Российские немцы в Германии: интеграция и типы этнической самоидентификации.* // Демоскоп-Weekly. 2006, № 243-244.

<http://demoscope.ru/weekly/2006/0243/analit03.php>; Брусина О.И. *Славяне в Средней Азии: Этнические и социальные процессы. Конец XIX – конец XX века.* М.: Восточная литература, 2001. 240 с.